Сергей Котов

Раненые звезды-3
Книга Ветра и Крови

Сергей Котов

Раненые звёзды – 3: Книга Ветра и Крови

«Автор»
2023

Котов С.

Раненые звёзды – 3: Книга Ветра и Крови / С. Котов — «Автор», 2023

Из-за воздействия чужой формы жизни биосфера Земли оказалась поражена особым видом информационного вируса. Теперь ни одно сообщество разумных существ, возникающее на планете, не может просуществовать достаточно долго, чтобы создать полноценную цивилизацию.Я и мои товарищи должны пройти сквозь самые тёмные века и не допустить геноцида человечества, которое норовит уничтожить само себя при каждом удобном случае.

© Котов С., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Часть 1 5
1 6
2 9
3 12
4 17
5 22
6 26
7 28
8 32
9 38
10 43
11 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Сергей Котов
Раненые звёзды – 3: Книга Ветра и Крови

Часть 1

Вне памяти
300 000 лет до Перехода

1
Путь Ветра бесплоден.
Дух воина – искра на ветру; искра вызывает пожар; пожар убивает всё живое.
Ветра суть перемены. Без перемены нет жизни.
Без Ветров Мироздание мертво. Нет иной жизни племён, кроме бесконечной скорби.
Ветра суть дыхание. Дыхания суть вечная благодарность мятежному Духу, божественному Аресу.
Единственный из богов, выбравший одинокий путь.
2
Боги – хранители Мироздания от Хаоса.
Боги суть дух стихий Мироздания.
Боги суть жизнь.
Боги предвечны.
Боги живы.
Боги хранят порядок и требуют почитания.
3
На заре Мироздания не было духа Ветра.
Ветер был бесплоден.
Мироздание было беззащитно перед Хаосом.
Хаос поглотил Мироздание.
Миг Катастрофы, когда из крови Шести предвечных божеств родилось Седьмое.
Арес стал духом Ветра.
4.
Арес, Первый Воин, одолевший Хаос.
Слава Аресу! Первому Изгою. Первому, отринувшему себя ради жизни подобных себе.
Суть воина – защита своего племени.
Да не будет у Ареса других детей, кроме воинов людского племени верных.
Да не будет ему иных жертв, кроме врагов, убитых на поле брани.
Да не войдут в храмы его иные посвящённые, кроме воинов племени верных.
«Книга Ветра и Крови»
Ветхие главы
Перевод на русский Г.Волкова и К.Котова

1

Город выглядел странно. Слишком много прямых линий, слишком мало украшений. Невозможно было понять, где жилые дома, где государственные учреждения или культурные объекты. Это место походило на большую казарму или военный лагерь.

– Не нравится мне здесь, – Кай хмурился, неохотно переставляя ноги по мощёной дороге, – ты уверен, что нам так уж необходимо туда?

– Ты сам слышал, – ответил я, – угроза реальна. Мы должны понимать, что происходит.

Кай был одет в сероватый балахон и сандалии. Ткань одежды очень походила на ту, которую использовали жители города, но, конечно, была всего лишь изготовленной Гайей имитацией. Новый облик напарнику явно не нравился. Он то и дело поправлял неудобную складку на плече, раздражённо ощупывая ребристую костяную рукоять ритуального меча.

Издалека я увидел, как ворота города отворились, выпуская на дорогу группу путников. Кай остановился, приглядываясь.

– Встречающие? – спросил он.

– Не думаю, – я покачал головой, приглядываясь, – похоже на обычный конвой. Возможно, везут почту по близлежащим поселениям.

– Всё-таки не нравится мне эта авантюра, – продолжал брюзжать напарник, – думаю, нас раскусят, и очень быстро. И последствия будут самыми неприятными, едрить их в корень.

Мы говорили на русском. Новые возможности Гайи позволили нам навсегда оставить в прошлом языковые вопросы. Она научилась записывать необходимую информацию непосредственно в мозг. И Кай всё никак не мог нарадоваться этому неожиданному подарку. Он забавлялся с новым инструментом коммуникации, вытаскивая из потаённых уголков устаревшие и необычные лексические конструкции.

– Нам ничего не угрожает, – уверенно ответил я, – даже при худшем раскладе, они не смогут противостоять челноку. Не говоря о Гайе.

– Всё равно, что мешало вывести нас из стазиса лет на пятьдесят раньше? – продолжал возмущаться Кай, – до того, как они понастроили… вот это вот всё! – он указал рукой на городские постройки, потом вздохнул и добавил: – Гриш, у меня мурашки по коже от этого места.

– Знаю, друг, – ответил я, – у меня тоже. Поэтому мы должны всё выяснить.

Через двадцать минут мы поравнялись с караваном, вышедшим из городских ворот. Двенадцать мужчин сопровождали три грузовые самоходные тележки. Гайя сообщила, что эти устройства работали на каких-то высокоэффективных биологических аккумуляторах, и могли на одном заряде проходить до тысячи километров. Почему при этому они ехали так медленно и для чего их обязательно должны были сопровождать пешие, она не уточнила. Только высказала предположение что, вероятно, дело в религиозных ограничениях.

Сопровождающие груз на нас не обратили ни малейшего внимания. Я хотел по привычке улыбнуться им, но вовремя себя одёрнул. Мало ли что могла означать простая улыбка в местной культуре?

Знали мы про этих людей довольно мало. А всё дело было в том, что влияние Гайи за городскими стенами каким-то образом блокировалось. Она чувствовала некую продвинутую технологию, но взломать её не пыталась: боялась выдать своё присутствие. Вместо этого она обратилась к нам, прервав наше путешествие сквозь время в стазисе.

Первые сотни тысяч лет её план по сохранению разума складывался вполне удачно. Влияя на природные климатические процессы, она вынуждала дробиться многочисленные группы людей, заселять всё новые места, таким образом избегая накопления критической массы разумных существ, которая привела бы к их самоуничтожению. Параллельно она изу-

чала закономерности возникновения конфликтов, чтобы разработать тонкую тактику борьбы с ними к тому моменту, когда все возможные географические ниши окажутся заняты.

Но несколько десятков тысяч лет назад стало происходить нечто странное.

Началось всё с небольшого изолированного поселения людей. Оно находилось в горной долине, отделённой от ближайших ареалов родичей природными барьерами и большим расстоянием. Эта коммуна, численностью всего-то в десять тысяч человек, вдруг начала демонстрировать чудеса ускоренного развития. В течение одного поколения они освоили колесо, основы математики, архитектуры и земледелия. Научились обрабатывать металлы. А через поколение открыли электричество, химию, биологию – и множество других наук. Гайя не сразу обратила должное внимание на этот феномен. А, когда заинтересовалась им, её доступ в долину вдруг оказался неожиданным образом заблокирован. Присутствовавшие на территории частицы её мицелия не умерли, но перестали быть частью единой сети, утратив общие информационные структуры.

Тогда она предпочла не вмешиваться, ограничившись пристальным внешним наблюдением.

Через два столетия долина полностью преобразилась. Она превратилась в один большой и, судя по всему, самодостаточный город. А потом, в один день, все населяющие его люди просто исчезли.

Доступ к брошенным строениям снова открылся только через сотню лет.

Гайя тщательно исследовала руины, но не смогла обнаружить ничего, что послужило бы ключом к разгадке произошедшего.

В течение следующих десяти тысяч лет ситуация повторялась, с небольшими вариациями, ещё в нескольких местах. Причём в одном случае поселение было по-настоящему большим: около полумиллиона человек, почти четверть всего населения планеты. Когда и они исчезли без следа, Гайя решила остановить нас. Она решила, что выдать собственное присутствие, пытаясь «взломать» защиту поселений, было более опасно, чем привлечь нас, людей из другого времени. После некоторой подготовки, теоретически, мы могли внедриться в местные сообщества.

С тем городом, который лежал перед нами, ситуация была немного проще, чем с несколькими предыдущими. Его изоляция ограничивалась только исполинскими городскими стенами, вне которых оставались относительно свободные поселения земледельцев. Наблюдая за ними, Гайя смогла усвоить язык племени, а также некоторые обычаи, которые должны помочь нам продержаться первое время.

Когда я узнал о происходящем, то настоял на том, чтобы самому участвовать в группе внедрения.

Это было тем более разумно, что последствия воздействия любовного тюрвинга до конца преодолеть не удалось. Гайя только замедлила распространение безумия в нашей группе, но пока не остановила полностью. Согласно её уверениям, физическое расстояние между мной и остальными если не обернёт процесс вспять, то, по крайней мере, заморозит процесс.

Стараясь не замедлять шаг по мере приближения к городским воротам, я продолжал прокручивать в голове скудные сведения о поселении и его обычаях.

Раз в год среди селян проводилось что-то вроде отбора. Нескольких молодых людей, здоровых и физически сильных, собирали и отправляли в город. Предварительно изготовив или купив специальные одежды и оружие, довольно точные копии которых были на нас с Каем.

Какой-либо закономерности в отборе «рекрутов» Гайе определить не удалось. Никаких разговоров на сельских советах, посвящённых этой теме, никаких прямых указаний из города не было. Просто в один прекрасный момент парень, житель села, подходил к жилищу старейшины, и тот молча снабжал его всем необходимым. Никаких проводов, прощаний и тому подобного так же не было.

Копируя внешнюю сторону процесса, мы, конечно, представления не имели о его подлинном содержимом. Оставалось только надеяться, что нашей нехитрой маскировки будет достаточно, чтобы безопасно проникнуть в город. А дальше всё будет зависеть от нас и нашей смекалки.

2

Ворота города охраняла стража. Выглядела она довольно внушительно: бронзовые латы с кожаными вставками, копирующие мускулатуру тела, из-за чего воины казались участниками каких-то продвинутых соревнований по бодибилдингу. Они были вооружены глефами. Щитов при этом не наблюдалось.

Стараясь глядеть прямо вперёд, я уверенной походкой шёл мимо стражи. Кай старался не отставать.

Удивительно, но никакого окрика не последовало. Нас не попытались остановить. Стража даже глазом не повела!

За воротами была довольно длинная и узкая улица, запертая между глухими высокими стенами близлежащих домов. Мимо нас по направлению к выходу прошли трое: два мужика в крестьянских халатах и пожилая женщина. Возможно, их мать. На нас они тоже не обратили ни малейшего внимания.

Улица заканчивалась небольшой круглой площадью, в центре которой росло раскидистое дерево. В его тени сидело несколько человек в зелёных халатах. Они были заняты тем, что сосредоточенно долбили маленькие каменные таблички тонкими металлическими долотами. Вместо молотков они использовали плоские булыжники. Эти люди были так сосредоточены на работе, что при нашем появлении никто из них даже не поднял головы.

От площади радиально расходилось несколько улиц и переулков. Некоторые были довольно широкими. Дома, которые выходили на них, имели окна, правда, без стёкол или каких-либо их заменителей. Внутри помещений было темно, так что определить, что именно находится в доме, снаружи было невозможно.

Немного помешкав, я выбрал широкую улицу и двинулся в ту сторону. И тут нас, наконец, окликнули:

– Эй! Служивые! – в нашу сторону семенил невысокий полный человек, одетый в пёструю одежду; Гайя предполагала, что так одеваются местные служители культа.

Мы с Каем остановились и посмотрели на него?

– Новенькие, что ли? – спросил он, и тут же сам ответил: – ясно, что новенькие… опять стража не дала указаний! Совсем распоясались эти истуканы! Давно надо автоматами заменить!

Говорил он, конечно же, на местном языке. Его знание (в том объёме, каким владел средний житель деревни) нам в головы вложила Гайя. Тем более удивительно было обнаружить в лексиконе слово «автомат».

– Здравствуйте, – первым сказал Кай.

– Да привет, привет, – предполагаемый жрец кивнул и небрежно махнул рукой, – мы вообще в курсе, что сейчас начнётся пятикратная публичная жертва? Пол города там! Стража, понятное дело, зуб затаила на начальство, за то, что выпало стоять в эту смену. Поэтому и на вас внимания не обратили. Ну да ладно. Если поспешим, ещё успеть можем! Я вот тоже в лаборатории задержался. А всё почему? Потому что часы технари никак наладить не могут!

Не прекращая тараторить, толстяк обежал нас кругом, потом махнул рукой, мол, «следуй за мной», и направился в сторону одной из широких улиц. Не той, на которую я собирался идти изначально – но соседней.

Мы с Каем переглянулись и пошли вслед за жрецом.

– После мероприятия потом со мной пойдёте. Определю в казарму и на процедуры, – не оборачиваясь, пробубнил толстяк и ускорил шаг.

Улица привела нас на ещё одну круглую площадь. Скорее, даже не площадь, а арену. Довольно большую – метров двести в диаметре. Каменные ступени, густо запруженные народом, спускались к небольшому пятачку, в центре которого был установлен большой круглый камень.

На камне радиально, на равном расстоянии друг от друга, головами во внешнюю сторону лежало пятеро обнаженных атлетически сложенных парней. Они были прикованы к камню увесистыми железными кандалами и ошейниками.

На площади – арене было очень тихо. Всё внимание зрителей было приковано к центральному камню.

Наш сопровождающий ловко протиснулся сквозь неплотное кольцо людей и занял выгодную позицию на внешней ступени, позволяющей ему хорошо обозревать происходящее внизу, несмотря на его маленький рост.

Кай тихонько толкнул меня в бок.

– Это то что я думаю? – прошептал он на русском.

Вместо ответа я пожал плечами, продолжая внимательно наблюдать за происходящим.

Откуда-то из-за камня вышел ещё один человек. Как и прикованные, он был совершенно обнажён, если не считать татуировки, сплошь покрывающие его тело. В правой руке, над головой, он держал узкий изогнутый нож.

Во время его появления толпа в едином порыве вздохнула, но уже через секунду восстановилась полная тишина.

– Гриша, это отвратительно, – едва слышно прошептал Кай, – мы должны прекратить это!

Я внимательно оглядел арену и толпу, её окружающую. Приметил вооружённых стражников и военных. Их было довольно много. Я даже ненадолго вошёл в режим, чтобы оценить: есть ли хоть какие-то шансы на успешное вмешательство, которое бы не привело к большим жертвам, чем те, которые, очевидно, собирались принести местные жители.

Таких шансов не было. И я взглядом дал понять это Каю. Тот смирился, хотя по играющим желвакам на его лице было понятно, насколько непросто ему это далось. С точки зрения марсианского военного, приверженца традиционного культа Ареса, хуже греха, чем пролитие крови не на поле брани, не было.

То, что происходило внизу, было верхом непотребства, совершенно немыслимой вещью для Кая. И я не мог осуждать друга, когда он прикрыл глаза.

Мне было проще. Я оставался в режиме, предполагая, что жертвоприношение может иметь какое-то значение для разгадки происходящего. Увидеть – зафиксировать – проанализировать. Запомнить выводы.

Я сосредоточился на выполнении этого плана, сознательно и намеренно максимально заглушая эмоции.

Потому что спокойно на происходящее смотреть было невозможно. Парни на каменном круге умирали медленно и мучительно. Татуированный жрец обходил их по кругу, нанося идентичные раны. Полилась кровь, собираясь в специальные канавки и стекая в заранее подготовленный глиняный сосуд.

Жертвы стонали, но в целом держались достойно; никаких криков или мольбы.

Странно вела себя толпа. Собравшиеся в амфитеатре замерли, в полной тишине наблюдая за кровавым ритуалом стеклянными глазами.

Я уже было решил, что насмотрелся достаточно и по примеру напарника хотел прикрыть глаза. Тем более, что пребывание в режиме начинало сказываться, а перекусывать в городе я пока не планировал.

И чуть не пропустил самое важное.

Когда одна из жертв начала биться в конвульсиях, жрец встал возле. Опустил нож рядом, склонился над изувеченным телом в позе предельного внимания, как будто к чему-то приглядываясь.

Я почему-то обратил внимание на глаза мучителя. Они оставались открытыми, только начали быстро бегать. Не так, как это бывает у людей в припадке или под воздействием веществ. А так, как смотрят за котировками трейдеры. Он будто бы сосредоточенно и очень быстро читал какой-то текст.

Жертвы умирали одна за другой, и в каждом случае сцена повторялась. Я отслеживал движение глаз служителя культа, пытаясь найти математическую закономерность. И действительно её обнаружил. Конечно, у меня не получилось восстановить изображение того, что он видит. Но сомнений, что жрец действительно в бешеном темпе считывал колоссальные объёмы какой-то информации, больше не оставалось. Об этом говорила математика.

3

5

Люди чтили богов
Чтили Шесть предвечных
Жертва суть почитание богов
Жертва – то, что было изначально сотворено человеком
Для своего блага
Демоны родились среди людей

6

Люди принесли во всесожжение вещи
И это было хорошо
Люди принесли во всесожжение тук выращенных животных
И это было хорошо
Благоухание угодное богам
Люди нашли ещё ценное для себя

7

Первый демон принёс во всесожжение своего сына
Непотребство дало сил демону и власть над людьми
Власть страха
Пришёл Тёмный век
Храмы богов стали суть зиккураты демона
Шесть Предвечных замерли без сил

8

Власть страха
Сделала его равным богам в сердцах людей
Власть страха требовала непотребства
Каждый первенец каждой семьи
Был повинен всесожжению
И так продолжалось

9

Арес, Первый Изгой,
Ему не было храмов
Его дух был свободен от скверны
Его дух снизошёл до воина
Который суть хозяин убежища первенцев защитник детей
Он подвиг бороться с демоном

«Книга Ветра и Крови»
Ветхие главы
Перевод на русский Г.Волкова и К.Котова

– Я надеюсь, что теперь, наконец, можем создать больше автоматов! – с воодушевлением говорил толстяк, ловко лавируя среди толпы.

– Каких автоматов? И почему сейчас? – осторожно спросил я, стараясь не отставать; Кай шёл рядом и был он мрачнее тучи.

– Ну как же? Жертвы же! – толстяк коротко хихикнул, – семерых сразу! Высший круг! Раньше на такое Совет давал разрешение не чаще раза в год. А тут – уже второй раз за две декады! Повезло нам!

Я украдкой посмотрел на Кая. Тот, погруженный в свои мысли, похоже, толстяка не слышал. И слава Аресу!

Шли мы довольно долго. И остановились, по моим прикидкам, где-то на полпути к центру города, возле огромного здания из чёрного кирпича, совершенно лишённого окон.

– Ну вот мы и на месте, – улыбнулся толстяк, – сюда, – он указал на проход. Двери не было; внутренности помещения скрывала плотная шторка из чёрной ткани, – я с вами не пойду. А после первичной инициации, уже во дворе, встретимся. Чем-то вы мне, парни, приглянулись. Наверно, потому что встретил вас в такой чудесный момент.

Он встал возле прохода, уперев руки в толстые бока.

Кай посмотрел на меня отрешённым взглядом. Я коротко кивнул, и направился вперёд.

Внутри, сразу за шторкой, был короткий коридор, освещённый чадящими факелами. Коридор заканчивался крутой лестницей, уходящей куда-то вниз, откуда доносился плеск воды. Пахло сыростью.

Мы оказались в помещении с низким сводчатым потолком, сделанным из красного кирпича. Потолок опирался на массивные колонны. На колоннах и стенах висели чадящие факелы, дающие неровный красный свет. В центре помещения был большой, но не глубокий бассейн с чистой водой. Несмотря на скудное освещение, было отчётливо видно дно. Такое же кирпичное, как и свод.

«Интересно, как они сделали дно герметичным? – подумал я, – какая-нибудь смола под кирпичами? Или же…»

Но додумать эту мысль мне помешал громкий окрик:

– Эй! – из-за одной из колонн вышел огромный мужик в набедренной повязке, – новенькие? Чего стоите? Одежду сюда, – он указал на большой каменный короб, стоящий возле основания колонны, – и в купель. Быстро!

Мы с Каем переглянулись. Я опять едва заметно кивнул. Раз уж мы здесь – надо до конца пройти и понять то, с чем мы столкнулись. Что это за посвящение такое, для чего нужно? Вопросов было много, а ответы на них можно получить только одним путём: следуя принятым здесь процедурам и обычаям.

Вода оказалась тёплой и солёной. Мы вышли на середину бассейна и остановились. Тут оказалось не так уж и мелко, по шею мне. Каю же вода доходила до подбородка.

– Чего вы вялые какие-то? – мужик в набедренной повязке, наблюдавший за нашими действиями с бортика, нахмурился, – нырять, потом туда, – он указал на дальний конец помещения, где только теперь я разглядел ещё один проход. Совершенно тёмный, над ним даже факела не было.

Мы послушно нырнули, потом развернулись и медленно побрели в указанном направлении. Мне хотелось оттолкнуться как следует и поплыть, так точно было бы быстрее. Но я не стал этого делать. Мало ли, вдруг здесь это не принято? Город находится в глубине континента.

Через него протекает небольшая речка, но совсем не глубокая. Вполне может быть, большинство местных просто не умеет плавать.

Кай шёл рядом со мной, мрачно глядя вперёд.

Мы выбрались из бассейна и вошли в проход. Первые несколько метров пришлось идти наощупь: темнота была абсолютной. Потом впереди появились неверные отблески света факелов. Коридор, по которому мы шли, поворачивал под прямым углом направо. Свет шёл оттуда.

Проход привёл нас в узкое помещение с таким же сводчатым кирпичным потолком, как над бассейном. В центре были установлено четыре гранитных стола, длинной метра два с половиной и метра полтора шириной. Они неприятно напоминали круглый жертвенный камень.

Нас встречали. Возле двух столов стояло по человеку. Они были одеты в длинные белые накидки-плащи, закрывающие всё тело. На голове у них были остроконечные колпаки с прорезями для глаз. При нашем появлении они указали на каменные столы-ложа, недвусмысленно приглашая занять их.

Кай посмотрел на меня. В его чёрных глазах при свете факелов промчался целый калейдоскоп противоречивых эмоций. На поверхности было презрение и отвращение; потом – решимость, а под ней кое-что для меня новое: какой-то злой задор, смешанный с любопытством.

Я молча направился к правому ложу, забрался на него и лёг на спину, настороженно наблюдая за происходящим и готовясь в любой момент войти в режим.

Ожидая всего, чего угодно, я был напряжён, хотя и пытался усилием воли расслабить мышцы. Это было сложно. До тех пор, пока нежные, явно женские руки не легли мне на грудь и не начали втирать, приятно поглаживая мышцы, какую-то белую мазь с пряным запахом.

Украдкой я скосил глаза и посмотрел на напарника. Тот попытался перевернуться на живот, но «его» девушка в белой накидке не дала это сделать, мягко, но настойчиво опустив ладони на плечи.

Этот массаж продолжался довольно долго. Мне даже удалось расслабиться телесно, но я всё ещё был начеку, помня о том, где мы.

Обработав каждый миллиметр моей кожи белым составом, девушка достала что-то, похожее на большую кисточку, и стала выводить на моём торсе сложные узоры, то и дело окуная инструмент в небольшое каменное ведёрко с краской.

После этой процедуры девушка, отложив «кисть», взяла меня за ладонь и потянула на себя, явно предлагая подняться. Я не стал заставлять себя упрашивать.

Кай, весь изрисованный какими-то спиралями и завитушками, причудливо переливающимися в неверном свете факелов, уже стоял возле своего ложа.

Когда мы оба оказались на ногах, фигуры в белых плащах синхронно вытянули руки, указывая в дальний конец помещения, где был очередной проход.

– Только не говори, что это тебе тоже не понравилось… – едва слышно прошептал я на русском, когда мы отошли достаточно далеко.

– Это было… странно, – ответил Кай.

– На тех парнях никаких узоров не было, – осторожно заметил я, – не похоже, что нас готовят к чему-то подобному.

Кай промолчал, но, спустя пару секунд, кивнул.

В этот раз коридор за проходом был довольно ярко освещён факелами. И заканчивался он настоящей дверью, сделанной из толстых досок, обитых кованым железом.

Я толкнул дверь плечом, подсознательно ожидая, что потребуются значительные усилия, чтобы ей открыть. Но та поддалась легко. Петли даже не скрипнули.

За дверью была жилая комната. На каменном полу что-то, похожее на два больших тюфяка, явно предназначенных для сна. Между ними – низкий деревянный столик, заставленный едой и питьём. Окон не было. Свет шёл откуда-то из щелей, расположенных на стыке стен и высокого потолка. Сами стены были кирпичными.

Я вошёл в помещение и осмотрел его более тщательно, стараясь найти скрытые глазки, слуховые проходы или другие способы контроля за жильцами.

К своему удивлению, ничего подобного я не обнаружил.

Зато, следуя тихому журчанию воды, в дальнем тёмном углу я обнаружил что-то вроде примитивного санузла. В полу было широкое отверстие, рядом с ним по стене тонким потоком стекала вода, наполняя каменную чашу, расположенную на уровне пояса. Переполняя чашу, вода стекала дальше, в отверстие. «Санузел» был изолирован от остального помещения выгородкой, сделанной из необструганных досок.

Воспользовавшись выгородкой по назначению, я тщательно вымыл руки и вернулся в помещение.

– Ну что, похоже, нам предлагают тут поселиться, – тихо сказал я на русском.

Кай уже набрал в грудь воздух, чтобы ответить мне, и как раз в этот момент дверь с глухим стуком закрылась. Через секунду лязгнул металл. Уже подозревая неладное, я одним прыжком оказался рядом с ней. С внутренней стороны никаких ручек или запорных устройств не было. Деревянная поверхность из плотно пригнанных досок была совершенно гладкой. Между каменным полом и дверью был небольшой зазор, но туда даже палец нельзя было засунуть.

Я выругался.

– Подозревал что-то подобное, – на удивление спокойно заметил Кай.

– Как думаешь, нас вычислили? – спросил я.

– Не думаю, – Кай покачал головой, – скорее, это часть стандартной процедуры. Тут всё выверено и многократно обкатано, ты заметил? Те девушки вышколены до автоматизма. Значит, делают такое далеко не в первый раз. А чужаков, сам понимаешь, тут не водится. Времена не те. Очень уж они возвысились над окружающим миром. И сейчас они единственный анклав разума такого уровня.

– Логично, – ответил я, удивившись, почему не додумался до этого раньше.

И в ту же секунду заметил, что голова работает как-то странно. Мысли стали простыми. Чувства притупились, как в режиме.

Я посмотрел на напарника.

– Ты… ничего не чувствуешь? – спросил я.

– Рисунок на тебе, – всё так же спокойно ответил Кай, – он двигается.

Я опустил голову и посмотрел на свою грудь. И действительно: мне показалось, что спиральки и завитушки начали странным образом закручиваться, при этом наливаясь изнутри бледным зелёным светом.

– Они ещё и светятся… – сказал я.

– Нам что-то втёрли, Гриш… со мной что-то странное происходит.

Кай, уже весь покрытый светящимся движущимся узором, растерянно глядел на меня. Его глаза медленно стекленели.

Я попытался что-то сказать, но понял, что язык меня больше не слушается. Кое-как сделав пару шагов до ближайшего топчана, я рухнул на него, как подкошенный.

Несколько секунд я боялся потерять сознание. А потом жалел, что так и не вырубился. Следующие несколько часов.

Сначала онемение и скованность движений и заторможенность мысли были единственными симптомами. А потом к ним добавилось жжение. Оно возникло где-то в глубине тела, у костей. И медленно расползалось на мышцы и внутренние органы. Сначала это было просто неприятно. Потом – терпимо. Затем меня затопил океан невыносимой боли.

Если бы я мог двигаться, я бы, наверно, перегрыз себе вены, чтобы скорее умереть. Настолько это было невыносимо.

Но, к счастью, пик боли продолжался относительно недолго. По крайней мере, не настолько долго, чтобы я окончательно потерял рассудок.

Когда жжение пошло на убыль, я снова обрёл способность двигаться.

Мне дико захотелось есть. Кажется, я расправился со значительной частью еды на столике всего за несколько секунд, даже не осознавая этого. Где-то на задворках сознания было желание посмотреть на Кая. Убедиться, что он ещё жив. Но я не мог оторваться от еды даже на секунду.

После голода пришла такая же сильная жажда. Добежав до выгородки, я нырнул головой в каменную чашу и пил, забыв про дыхание, пока меня не начало распирать изнутри. Когда, преодолевая сильнейшее головокружение, я двигался обратно на топчан, Кай чуть не сбил меня с ног, направляясь к выгородке.

Его появление не вызвало у меня ровно никаких эмоций.

Следующие несколько часов были похожи на восстановление после тяжёлой тренировки, если десятикратно усилить ощущения. Я имел возможность двигаться, но не мог заставить себя даже пошевелить пальцем.

Потом был ещё один приступ сильнейшего голода и жажды. И несколько походов за выгородку по другим делам.

Когда боль и жжение в мышцах стали едва заметными, я, наконец, провалился в сон.

4

10

Арес даёт силу и храбрость
Его дух пребывает среди воинов
Так повелось со времени Защитника Детей
Он был один против сотни
Он не оборонялся
Потому что лучший способ одолеть врага – это нападение

11

Он создал тайное убежище
Где оберегал будущее людского рода
И всех верных племён
Убежище это – главная цель Мерзости
Ибо когда появились спасённые
Власть страха поколебалась

12

Нападение на убежище
Готовили декаду и один день
И лучшие когорты взяли крепость в кольцо
Но Первый Демон остался в своём шатре (столице)
Ожидая богомерзкого обряда
Потому что счёл себя равным Богам

«Книга Ветра и Крови»
Ветхие главы
Перевод на русский Г.Волкова и К.Котова

Я проснулся и одним рывком поднялся. Меня распирала энергия, но я опять был голоден. Столик между топчанами снова был полон еды. Значит, кто-то заходил в помещение, пока мы спали… странно, но это факт меня совершенно не тронул. Еда была здесь, и это главное.

Вчера приступы голода были настолько дикими, что я даже не осознавал, что ем. Теперь же мне удавалось лучше себя контролировать. На столике было много мяса. Большей частью варёного, но попадалось и что-то вроде запечённых на огне рулетиков. Были и овощи. Нечто, напоминающее капусту, огурцы и сладкий перец.

Принимаясь за трапезу, я размышлял, стоит ли будить Кая. С одной стороны, надо бы. А с другой во мне проснулась какая-то примитивная жадность. А ну как мне меньше еды достанется?

Я помотал головой, пытаясь избавиться от наваждения. Но безуспешно. Голова работала как-то необычно. Мысли были слишком простыми.

Даже страх, который я испытал, пытаясь осознать перемены в себе, был каким-то примитивным. Почти животным.

Мне хотелось заскулить и забиться в дальний угол комнаты. Но сначала, конечно, надо было насытиться.

Я всё же бросил взгляд украдкой на спящего напарника.

Фигурные узоры на его коже потекли и смазались от пота. Он всё ещё был мокрым. А его тело довольно заметно изменилось. Мышечная масса увеличилась, а жировой прослойки почти не осталось. Кай выглядел преувеличенно-карикатурной пародией на бодибилдера.

Себя оглядывать я не стал. Итак понятно было, что увижу.

Вместо этого, в каком-то проблеске нормального сознания, я попробовал войти в режим. И у меня это не получилось. Ни с первого раза, ни со второго, ни с десятого.

Мне снова захотелось забиться в угол и заскулить. Но через несколько секунд я забыл о своих бедах, когда у меня во рту, наконец, оказался сочный кусок мяса. Он был плохо проварен, внутри попадалась кровь. Но от этого было только вкуснее.

Кай проснулся, когда я был почти сыт. Но почти – не значит совсем.

Глядя ему в глаза и продолжая жевать, я тихонько зарычал.

– Гриш, ты чего? – спросил напарник испуганно.

Вместо ответа я взял овощ и громко им захрустел.

– Нам что-то втёрли. Какую-то сложную отраву. Ей частично удалось перестроить организм. Я чувствую, что сил прибавилось. Зато убавилось прочности и долговечности. Ещё эта штука пыталась воздействовать на мозги. Но тут мой организм справился с этой гадостью. Я модифицирован для борьбы со всеми возможными ядами. Даже с генетическими, – сказал Кай, пытаясь поймать мой взгляд, – у тебя не так?

Я прервался на секунду. Потом покачал головой.

– Ты совсем говорить не можешь? – спросил напарник.

– Могу, – ответил я, проглотив очередной кусок.

Кай улыбнулся.

– Я это не я, – мне удалось сформулировать достаточно сложную мысль.

– Мы справимся с этим, – уверенно сказал Кай, – надо только до Гайи добраться. Ты держись!

– В режим не могу, – добавил я, понимаясь из-за столика, чтобы сходить за выгородку.

– Плохо, – Кай покачал головой, – но держись, ясно? Мы выберемся!

Я на ходу пожал плечами. Куда выберемся? Кажется, за городом есть корабль, на котором мы летали. Как-то сложно всё.

Опустив голову в чашу, я напился. Это было хорошо. Это было правильно.

Когда я вернулся к топчану, дверь распахнулась. За ней стояла фигура в белом плаще и колпаке с прорезями для глаз. Точно таких же, какие были на вчерашних девушках. Фигура поманила нас ладонью. И я почему-то покорно подчинился этому жесту, даже не поглядев на Кая.

Нас вывели в большой квадратный двор – колодец, окружённый со всех сторон высокими кирпичными стенами без окон. Большая часть двора была заставлена какими-то приспособлениями. Странно, но даже со своими «урезанными» мозгами я догадался об их предназначении. Тут было всё для обучения разным видам сражений: от манекенов для отработки ударов до целей, чтобы тренировать меткость стрельбы метательным оружием.

Возле выхода нас ждал уже знакомый толстяк в пёстрых одеждах.

– Ну что, деревня? – усмехнулся он, разглядывая нас, – вижу, что везунчики вы. Оба выжили! Не зря вы мне приглянулись.

Кай зачем-то посмотрел на меня, но промолчал.

– Теперь нам нужно понять, насколько успешно прошла трансформация, – продолжал толстяк, – насколько выросла агрессия. Снять показатели реакции. Удельной силы. Ну и так далее. В общем, всё то, чем занимаются учёные.

Я с трудом понимал, о чём он говорит. И почему-то это мне показалось забавным. Я улыбнулся.

– Лыбишься, да? – хохотнул толстяк, – правильно. Потому что не понимаешь нихрена. Но и не надо тебе ничего понимать. А то слишком страшно будет! Так что интеллект у вашего брата мы намеренно тормозим.

Дальше последовали испытания. Ничего сложного: сломать бревно, метнуть копьё, прыгнуть через препятствие… с какой-то момент я понял, что мне эта активность очень понравилась. Когда работало тело, голову можно было совсем выключить. А вместе с мыслями уходила и смутная тревога по поводу того, что я что-то не доделал.

Толстяк всё это время находился рядом, в специальной защитной выгородке, окружённой мелкой металлической сеткой. Он скрипел костяной палочкой по деревянной дощечке и довольно прицокивал. Этот скрип раздражал меня. Но не настолько, чтобы по-настоящему я по-настоящему разозлился.

Кай делал всё то же самое. И я с растущим недовольством отметил, что получалось у него это не хуже, чем у меня. А кое-в-чём даже лучше. Мне это показалось несправедливым. Я не помнил почему, но он должен был быть слабее.

После площадки нас разделили. Кая увели куда-то. И меня это, скорее, обрадовало. Без него было как-то спокойнее.

Потом пришла и моя очередь. К толстяку подошёл какой-то мужчина в цветастой набедренной повязке и бронзовых наплечниках. Они о чём-то говорили, то и дело глядя в табличку, по которой скрипел толстяк во время испытаний. Потом незнакомец поманил меня ладонью. Я подошёл на расстояние вытянутой руки и замер. Он внимательно оглядел меня с головы до ног. Потом, развернувшись к толстяку, коротко бросил: «Пойдёт!»

Тот улыбнулся в ответ и, обращаясь ко мне, проговорил: «Следуй за ним. Подчиняйся!»

Почему-то после того, как эти слова были произнесены, я отчётливо понял, что подчиняться буду. Это казалось очень приятным. От этого невозможно было отказаться.

Мы шли довольно долго. Сначала кирпичными коридорами здания, потом – по улицам города. Прохожие глядели на меня с любопытством, но проходу не мешали.

Наконец, через несколько кварталов, мы подошли к приземистому зданию, собранному из серого камня. Оно выглядело старым. Более древним, чем окружающие постройки.

Мой новый хозяин, не оглядываясь, уверенно вошёл внутрь через проход, прикрытый матерчатой занавеской. Мне не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ним.

Внутри было довольно светло. Свет шёл из нескольких потолочных окон. Хозяин шёл по коридору, на стенах которого были изображены сцены различных битв и поединков: человек против зверей, люди друг против друга. Поединки. Сражения с десятком участников. Картины были примитивными, но от этого только больше мне нравились. Помогали создать боевое настроение.

Ещё в коридоре, по обе стороны, были проходы, занавешенные материей. Хозяин остановился возле одного из них.

– Твоё место, – сказал он, указывая на ближайший проход, – на обед тебя позовут. На ужин тоже. Высыпайся. Завтра у тебя начинается новая жизнь.

Я кивнул и вошёл в свою новую комнату.

Обстановка внутри была такой же простой, как в том помещении, где мы проснулись сегодня. Только топчан был один. И никакого столика.

Я лёг на топчан, глядя в потолок. Думать не хотелось. Хотелось отдыхать и набираться сил. Почему-то мне казалось, что завтра должно случиться что-то волнующее и очень важное. Что обязательно мне понравится.

Меня разбудил шум в коридоре и громкий крик: «Обед!»

Я вышел в коридор, и направился туда же, куда шли остальные обитатели комнат: такие же молодые парни, как я. Кто-то был совершенно голым, кто-то – в набедренной повязке. Я отметил это автоматически, про себя. Хотя вопрос одежды меня не волновал совершенно.

Внешне соседи выглядели менее сильными, чем я. Мышечная масса поменьше. У кого-то были следы затянувшихся ран. Все эти наблюдения меня обрадовали: вполне может быть, что я тут самый могучий.

Обед был вкусным. Опять много мяса и овощей. Наевшись от души, я вернулся в комнату, и снова лёг на топчан. Так прошло время до ужина, который точь-в-точь повторил обед.

А потом пришла ночь. И я наконец-то нормально выспался. Безо всяких сновидений.

Меня разбудило чьё-то присутствие. Я открыл глаза, но вскакивать не стал. Что могло угрожать мне тут, в моей комнате?

Возле кровати стояла фигура в белом колпаке.

– Поднимайся, – сказала она, – приведи себя в порядок. Сегодня у тебя первый бой.

При слове «бой» у меня сладко защемило сердце и участился пульс. Фигура наклонилась и что-то положила у меня в ногах. Приглядевшись, я понял, что это кусок материи. Скорее всего, предназначенный для набедренной повязки. Отсутствие одежды меня не беспокоило, но этот элемент я воспринял как знак статуса. Воевать в одежде почему-то показалось мне более почётным.

Я не заставил себя долго упрашивать. Быстро умывшись, я кое-как намотал повязку и направился вслед за фигурой.

Обошлось без завтрака. Наверно, это и правильно. Вчера я достаточно наелся и всё ещё чувствовал прилив энергии. А еда могла вызвать сонливость.

Белая фигура вела меня по пустынным улицам города. Мне не было интересно, куда подевались жители. Может, не проснулись ещё. Главное, что это упрощало мой путь.

Наконец, мы оказались на одной из площадей. Тут был построен ещё один амфитеатр. На мгновение я даже испугался, когда вспомнил, при каких обстоятельствах уже видел подобное сооружение. Но потом заметил, что никаких жертвенников внизу не было. Только довольно большая арена, засыпанная белым песком.

На ступенях амфитеатра было множество людей. Увидев меня и моего провожатого, они зашумели и начали махать руками. Я решил, что это хороший знак; наверно, так они меня подбадривали. Кажется, я даже улыбался, когда шёл вниз.

Чтобы попасть на арену, мне пришлось пройти через огромные каменные ворота, которые приводились в движение какими-то сложными механизмами.

Всё происходящее казалось мне смутно знакомым, но я не мог припомнить, где и когда встречался с подобным. Прошлое было каким-то очень сложным и запутанным. Напоминающим сон. Может, мне и правда приснилось разное?

Но всё это было не важно.

Оказавшись на арене, я хотел как можно скорее увидеть противника.

Странно, что оружие мне не дали. Побеждать придётся голыми руками? Что ж, я готов и к этому.

Я ожидал, что врагом окажется другой человек. Это было бы… как-то более честно, что ли?

Но на арену вслед за мной выпустили медведя. Откуда-то я знал, что это именно медведь, хотя окраска была необычной: бурая шкура с тёмными полосами.

Какая-то ничтожная часть моего существа, где покоился прежний рассудок, была в ужасе. Эта часть понимала, что против медведя у безоружного человека нет шансов. Разве что с режимом, когда можно уповать на скорость реакции и умение найти уязвимое место. И то: сомнительно.

Но режим был недоступен.

Увидев меня, тварь поднялась на задние лапы и зарычала. Толпа на ступенях амфитеатра торжествующе взвыла.

А у меня восторг и жажда крови внутри вытеснили остатки страха.

Я оскалился и зарычал в ответ.

Кажется, медведь не ожидал такого поворота. Он опустился и сел на задние лапы, удивлённо глядя на меня налитыми кровью глазами.

Я кинулся вперёд.

Тут уж и медведь не мешкал: рванул на встречу со скоростью, которую не ожидаешь от такого массивного тела.

Дальше всё происходило слишком быстро. Сознательных мыслей не было вообще. Только ярость, смешанная с необъяснимым восторгом, да вдруг проснувшиеся дремучие инстинкты, которые часто оказывались более правы, чем разум.

Я сделал сальто, оттолкнувшись от песка так, что затрещали сухожилия. Смог допрыгнуть до холки чудовища. Оказался на нём, обхватив огромную шею.

Медведь снова поднялся на задние лапы и попытался достать меня передней лапой.

Но я не мешкал: размахнулся, и твёрдой ладонью пробил ему правый глаз.

Тут даже память отказала, не в состоянии фиксировать происходящее.

Помню предсмертный стон зверя.

И собственную смертельную рану. Медведь достал меня огромными когтями, порвав правый бок.

Боли почти не было.

Только пришло понимание, что это конец.

Но страшно не было.

Я чувствовал, как песок жадно пьёт мою кровь. В последний миг ко мне вернулось обычное состояние разума. И единственное, что я успел – это удивиться собственной беспечности и самоуверенности. А ещё мне было стыдно перед Каем.

5

Небо полыхало закатом над первобытной тайгой. Где-то в чаще ухала ночная птица. На краю большой поляны в половодье огней величественной и неподвижной громадой застыл челнок. Как будто он был памятником непобедимому стремлению человека в космос.

У кромки леса чёрным провалом зияла свежая могила. Возле неё застыли двенадцать мужчин и одна женщина. Все – в белых комбинезонах. Они стояли в шеренгу, по-военному, опустив головы.

В изголовье могилы, возле белого савана, стоял на коленях ещё один человек. Перед ним на специальной низкой подставке лежала старая книга. Он читал её вслух на забытом языке, чужие звуки которого чёрными стрелами исчезали в темнеющем лесу.

Это продолжалось довольно долго. Но вот прошелестела последняя страница, упал как камень в воду последний слог.

Чтец тяжело вздохнул. Закрыл книгу. Тщательно заученными ритуальными движениями убрал подставку. Потом отложил реликвию в сторону.

После этого он нагнулся к савану. Опустился на него. И крепко обнял останки того, кто был в него закутан. Его широкую спину сотрясали неслышимые рыдания. На белом саване, справа, появилось и начало расти красно-бурое пятно. Впрочем, оно оставалось почти незаметным в сумерках.

Разжав объятия, мужчина снова встал на колени. Его сильные руки скользнули между саваном и плотной травой, на которой тот лежал. Одним мощным усилием мужчина поднял саван. Осторожно, будто нёс на руках ребёнка. Мощные жилы вздулись на его шее.

Он подошёл к могиле. Долго смотрел на тёмный провал, вдыхая запах земли. Потом сел на краю и спрыгнул вниз, не выпуская из рук свою ношу.

Там, внизу, в холодной темноте, он аккуратно положил саван на сырую землю. Потом быстро, будто боялся передумать, подпрыгнул. Ухватился обеими руками за край могилы. Ему помогли выбраться: темнокожая девушка в белом и мужчина с суровым лицом.

Четырнадцать человек встали вокруг могилы. Каждый – с горсть земли в ладони. Секунда, дыхание, единый порыв – и черные комья полетели вниз, глухо застучали по савану…

Я видел всё это будто со стороны, прекрасно понимая, что это моё тело лежит в саване. Больше всего на свете я хотел снова научится говорить. Чтобы Кай услышал меня. Чтобы понял, как мне жаль…

Давление на грудь нарастало. Казалось, ещё чуть-чуть, и лопнут рёбра. И в момент максимального напряжения я услышал треск и вдохнул полной грудью влажный ночной воздух.

Сознание вернулось сразу, вдруг. И ничто в жизни меня настолько не радовало, как возможность снова мыслить нормально! Моя голова снова принадлежала мне, целиком и полностью. Немного напрягшись, я даже смог войти в режим. Правда, тут же из него вышел, потому что почти сразу почувствовал голод. А ещё – довольно сильную боль в правом боку.

«Гайя?» – мысленно позвал я.

«Да, Гриша?» – от знакомого мысленного голоса веяло теплотой и заботой.

«Это видение с моими похоронами – твоих ложноножек дело?»

«У меня нет ложноножек, Гриша, – Гайя оценила шутку, я почувствовал весёлость, – по крайней мере, не пробовала отрастить. Обязательно попробую. Интересная мысль. Но ты прав, это сделала я».

«Ну и зачем так поступать, а? – спросил я с негодованием, – у меня чуть сердце не разорвалось от тоски!»

«Может быть для того, чтобы в следующий раз ты не так сильно настаивал на выполнении своих безумных планов действий, Гриш?» – с ехидцей спросила Гайя.

«Хорошо, – сказал я, – ты права. Я малость зарвался. Решил, что везение – это нормально, и оно будет вечным. Но пожалуйста. Не делай так больше. Хорошо? Мне бы и так этого урока хватило. Я всё-таки не идиот и не ребёнок. Но как вы меня спасли?»

«Это тебе лучше Кая спросить, – ответила Гайя, – меня там не было».

Я открыл глаза.

Надо мной склонились Кай и Таис. Выражение их лиц было удивительно похожим: тревога смешанная с надеждой.

Улыбнулись они тоже синхронно.

– С возвращением, напарник! – сказал Кай на марсианском.

– Вытащил всё-таки, – ответил я, пытаясь подняться.

– Стой! – Кай положил мне ладонь на грудь, – рано тебе ещё! Минимум до утра лежать. Она вообще предлагала тебя до утра спать оставить. Говорила, ты видишь какой-то полезный сон. Который не даст тебе в будущем совершить новые ошибки.

Я ухмыльнулся.

– Ясно, – ответил я, снова откинувшись на спину, – ты расскажи лучше, как тебе удалось-то? Я же реально умер там, на арене! Счёт на минуты шёл!

– Повезло, – Кай вдруг стал серьёзным, – нам очень повезло, Гриш. Просто по времени совпало. Я не знал, что происходит и вполне мог опоздать.

– Как сам-то выбрался? Что я из тебя клещами тяну! Рассказывай уж, герой!

– Как-как… меня отвели и поселили в комнату, в каком-то общежитии, где жили другие парни. Думаю, они прошли ту же процедуру, что и мы. Там не были никаких замков или охраны – вот я ночью и выбрался. Сначала долго по городу шарахался, думал, может удаться найти место, куда забрали тебя. Уже под утро сообразил, что лучше бы вернуться на челнок и поднять дрон. А уже с него пытаться поймать твою тепловую сигнатуру. Собственно, так я тебя и нашёл. Сигнал пришёл утром, когда тебя вели по городу на арену эту.

– И как ты прорвался через охрану? Всех раскидал? Использовал тяжелое оружие?

– Зачем? – осклабился Кай, – так же, как в прошлый раз. Помнишь, когда я спасал тебя от молодой Гайи?

– На ранце? – риторически спросил я, – представляю, что было с местными…

– Да ничего с ними такого особенного не было, – нахмурился Кай, – даже обидно, если честно. Ну, покричали немного. Кто-то даже пытался копьё в меня метнуть. Будто они каждый день тут видят летающих парней!

– Кай, – вмешалась Таис, бросив взгляд на напарника, – давай позже. Помнишь? Ему отдыхать ещё до утра. А ты его сейчас лишней информацией загрузишь.

– Информация не бывает лишней! – возразил я.

– Ещё как бывает! – не согласилась Таис, – особенно когда речь идёт о восстановлении. Уж мне-то поверь!

Я вспомнил её историю и не нашёлся чем возразить.

– Друг, тебе нужно надо отдыхать, – сказал Кай.

Я глубоко вздохнул и почувствовал острую боль в правом боку.

– Что такое? – тревожно спросил Кай, – больно?

– Малость, – кивнул я.

«Я сейчас начну добавлять в кровь питательные вещества, – мысленно сказала Гайя, – это ускорит метаболизм и восстановление. Но лечение далеко не завершено».

– Ясно, – ответил я вслух.

– Гайя что-то сказала? – догадался Кай.

– Да. Она согласна с вами. Мне надо отдыхать.

– Вот и отлично, – улыбнулся напарник, – мы подежурим рядом. А серьёзное обсуждение отложим на завтра.

Утром, когда выбрался из восстановительного кокона, я даже смог самостоятельно позавтракать. Никогда в жизни я так не радовался безвкусным марсианским концентратам. От мяса и овощей меня теперь, наверно, будет воротить до конца жизни.

После завтрака прямо на камбузе мы собрали что-то вроде малого военного совета. Кроме меня, присутствовал Кай, Таис, Макс и, незримо, Гайя.

– Это было какое-то модулированное электромагнитное поле, – говорил Кай, – я отчётливо видел.

Макс как-то странно посмотрел на моего напарника.

– Он может видеть излучение в расширенном диапазоне, – пояснил я, – и не только это.

– Ясно, – кивнул командир спецназа.

– Сам я поля не вижу. Но в особом режиме фиксировал движения глаз этого татуированного жреца, – добавил я, – тогда я сделал анализ, и он тоже показал, что он считывает какую-то информацию.

– Значит, это действие имеет практическое, а не ритуальное значение, – заключил Макс.

– И сам жрец как-то связывал жертвоприношение и будущие открытия, – поддержал я.

– Резюмируя: эти ребята каким-то образом получают ценную информацию в обмен на убийства соплеменников, – сказал Кай.

– Похоже на торговлю, – кивнул я, – а, значит, тут должна быть вторая сторона. Которая пока что скрыта от нашего внимания.

– Ещё одно вторжение? – Макс поднял бровь.

– Я ничего обнаружить не смогла, – вмешалась Гайя; её голос транслировался через динамики системы оповещения, установленные на камбузе, – правда, как я уже говорила, у меня нет доступа за городские стены. И каким образом им удалось их экранировать я тоже пока не понимаю.

– А когда город строился? – спросил я, – у тебя был доступ?

– Это происходит очень быстро, – ответила Гайя, – появление изоляции. Пока что мне не удалось поймать этот момент, ни в одном из случаев. Гриша, я всё-таки не божество и не могу быть вездесущей. Чтобы держать фокус внимания всё время на всей поверхности планеты никаких мощностей не хватит.

– Ладно, – продолжал я, – тут более-менее понятно. Как рабочая гипотеза принимается внешнее вмешательство. Но есть ещё много странностей, которые надо бы постараться связать воедино. Жертвоприношение – далеко не единственная.

– Ритуальные поединки? – спросил Кай.

– К этому мы ещё вернемся. Но меня беспокоит ещё один момент. За всё время пребывания в городе я не увидел ни одного ребёнка. Все жители, с которыми мы сталкивались, на вид были старше двадцати.

– Семейных пар я тоже не заметил, – добавил Кай, – все жители, как мужчины, так и женщины, были какими-то… равнодалёкими, что ли?

– А в сельскохозяйственных поселениях, за пределами стен, как? Гайя? – спросил я.

– Там типичный семейный уклад, – послышалось из динамиков, – большая группа родственников обрабатывает земельный участок. Общается с городом, отдаёт часть урожая в виде налогов. И часть жителей в виде рекрутов.

– А дикие, менее развитые жители с ними как-то контактируют? Они ведь должны пытаться нападать на такие хозяйства, верно? – спросила Таис.

– Контактируют, – ответила Гайя, – дикие внешние периодически нападают. Поселение даёт отпор с помощью оружия, полученного из города. Каменные топоры против железных

мечей и копий… сами понимаете. Нападающие быстро сами превращаются в жертв. Кстати, интересный момент. Некоторых выживших из неудачливых агрессоров отбирают, чтобы поселить в семью, самых сильных, здоровых и красивых. Мужчин держат какое-то время на положении рабов для секса. Приглашают на встречи с ними даже из соседних поселений. Потом, через какое-то время, отдают их в город. Женщин выдают замуж за одного из младших сыновей.

– Похоже на пополняемый генетический резервуар… – заметил Макс; он вообще в последнее время окончательно отказался от попыток сохранить образ туповатого вояки и всё чаще демонстрировал свои подлинные интеллектуальные возможности.

– Да, – согласилась Гайя, после чего добавила: – и в этом отличие нового города от нескольких предшествующих культур. Те были совершенно изолированы.

– Как будто нечто учится… – заметила Таис.

– Значит есть шанс, что предыдущие разы – это были неудачные попытки? Которые просто самоликвидировались? – спросил я.

– Вероятность такого варианта составляет около шестидесяти процентов, – заметила Гайя.

– А что было бы в случае успеха? – спросила Таис.

– Это отличный вопрос, – ответила Гайя, – у меня есть несколько вариантов ответа. И ни один вам не понравится.

6

Что делать, если информации катастрофически не хватает, а получить её непосредственно из источника нет никакой возможности? Ведь снова лезть под прикрытием в город – чистое безумие!

Конечно, похитить носителя этой информации. Желательно максимально высокого ранга. Именно в этом и заключался наш план ближайших действий.

Однако реализовать его было совсем просто. Из всего возможного руководства за время нашей вылазки с Каем мы точно смогли идентифицировать татуированного жреца-убийцу и толстяка в пёстрых одеждах.

Вычислить других было теоретически возможно, если они хотя бы изредка показывались на улице.

Вот только для этого нужна прорва полётного времени дрона, который должен висеть над городом чуть ли не постоянно. Пара недель как минимум, по нашим подсчётам. А ресурсы челнока были на исходе – мы ведь не предполагали, что во время нашего путешествия в будущее к нам присоединится так много народа.

Конечно, частично ресурсы можно было восполнить: за счёт охоты и рыбалки наши запасы продовольствия даже росли. Гайя обещала помочь с горючим. Теоретически синтезировать любое соединение с её возможностями не должно было быть проблемой. Однако же для марсианского горючего использовались некоторые изотопы элементов, более редкие на Земле, и добывать их в промышленных масштабах было не так просто даже для Гайи.

Обнаружив это, она предположила, что горючее, синтезированное слоноподобными пришельцами в прошлом, на самом деле, было создано не на Земле. А, значит, у них как минимум были планы на освоение всей системы.

Но даже если бы решился вопрос с горючим, ещё ведь оставались и другие расходники. Медикаменты. Батареи. И много всего прочего.

К тому же непонятно было, сколько остановок ещё придётся сделать по пути до нашего времени.

Как бы то ни было, мы не могли ждать несколько недель, пока дрон соберёт нужную информацию. Оставить его работать, а самим переместиться в стазис на короткое время тоже не вариант. Без контроля был риск потерять дрон, не добившись результата. И Гайя тут едва ли могла помочь: пока мы не определили природу блокировки закрытой зоны города, оставлять дрон под её контролем было слишком рискованно.

Дом, где жил толстяк, мы обнаружили довольно быстро, в первый день наблюдения. Во время следующего полёта предположение подтвердилось окончательно. А вот татуированный жрец на улицах не показывался. Если бы смогли зафиксировать его тепловую сигнатуру, то найти его даже в помещениях не составило бы большой проблемы. Но сигнатуры у нас не было. И это тоже моё упущение: конечно, нужно было обучить контролю над дроном Макса или Таис, и запустить его тогда, когда мы заходили в город. Но мне не хотелось терять время на такие, как я считал «лишние» предосторожности.

Для верности мы решили организовать ещё один вылет. Заодно получить чуть больше информации об уличном движении в городе в различное время дня, это тоже было важно для планирования «похищения».

И третий вылет чуть не закончился катастрофой. Аппарат спасло то, что я управлял им в режиме, чтобы фиксировать малейшие подробности. Поэтому успел отреагировать на приближение снаряда, оставляющего за собой длинный дымный шлейф. Он взорвался на безопасном расстоянии от дрона.

В некотором шоке я запустил программу автоматического возвращения.

– Это что же, за пару дней они разработали систему ПВО? – первым заговорил Кай, не сводя взгляд с запущенной в режиме повтора записи пуска снаряда.

– Не в полноценном смысле этого слова, – ответил я, – снаряд, к счастью, был не управляем. Но ты прав. Мягко говоря, впечатляет.

– Вы же говорили, что у них даже машины есть на электрическом ходу, – вставил Макс; он стоял чуть поодаль, у входа на мостик.

– Да, – кивнул я, – странная неравномерность развития. Электричество – и примитивное холодное оружие…

– Достаточность развития, – вмешалась Гайя, – на разных направлениях. Пока у них не было достойного противника, холодного оружия вполне хватало для обороны внешних поселений от примитивных племён. А вот на электричество у них явно были другие планы…

– Рациональное, спланированное развитие? Что ж, это вписывается в рамки нашей рабочей гипотезы, – заметил я.

– А ещё это значит, что они будут начеку, – сказала Таис, – они теперь знают о том, что есть внешний враг. И будут готовиться к новой встрече с нами.

– Значит мы правы, что торопимся, – сказал Кай, – чем меньше у них времени на подготовку, тем больше наши шансы на успех.

– Это правда, – кивнул Макс, – вот только теперь появились серьёзные возражения относительно состава группы вторжения.

– Поясни? – попросил я.

– Вы опять хотите пойти вдвоём, – ответил командир спецназа, – а я говорю, что надо идти полным составом. Это и будет тот самый фактор неожиданности. Они пока точно знают о существовании двоих противников. Большая группа будет для них сюрпризом.

Я задумался. Кай напряжённо разглядывал запись. Таис одобрительно кивала, глядя на Макса.

– Возможно, ты и прав… – согласился я, – твои люди должны пройти языковую подготовку. Гайя, сможешь сделать?

– Без проблем, Гриша, – послышался ответ из динамиков, – пускай выходят на лужайку, полежать на траве.

7

13.

Великая человеческая сила в единении
Великая человеческая слабость в единении
Следуя интересам многих, человек наследует силу
Которая преодолеет любые мыслимые препятствия
Если же во главе племени встаёт мысль, противная природе одного
Племя обречено на гибель

14.

Первый Демон пал от руки Защитника Детей
Потому что счёл себя сутью племени
Потому что не чувствовал боли множества единиц
И допустил ошибку, оставшись в гордой столице своей
Его голову вынес защитник на длинной пике
Чтобы огласить победу угнетённым силой демонической мысли
15.

И был великий соблазн

«Книга Ветра и Крови»
Ветхие главы
Перевод на русский Г.Волкова и К.Котова

Мне было психологически сложно отпустить контроль. Командовал операцией по захвату «языка» Макс. Это было очевидное решение: на боевое слаживание подразделения под другого командира не было времени. Проще было нам с Каем адаптироваться. Тем более, что сомнений в квалификации Макса у меня не было. Однако же, в атакующей группе мы оказывались на особом положении, как слабое звено.

Не удивительно, что Макс оставил нас в резерве, оборонять вылазку основной группы. Когда командир узнал о наших особых способностях он, похоже, не сильно удивился. Но попросил подробный отчёт: предел вычислительной возможности и чувствительности моего «режима» (честно говоря, я его не знал, поэтому рассказал о нескольких наиболее важных, на мой взгляд, примерах практического применения); частоты излучения и напряжённость электромагнитных полей, которые мог видеть Кай (тут доклад был более подробным – напарник хорошо знал свои модификации). В конце докладов командир сделал вывод, что из нас двоих получится идеальное прикрытие. Опасность мы увидим раньше всех и сможем её адекватно оценить. А, если ситуация будет совсем критическая, то и нейтрализовать.

Умом я понимал, что Макс действует предельно разумно. Но эмоционально с этим смириться всё равно было сложно. Реальная операция под контролем командира подразделения, боевая задача которого заключалась в моём физическом уничтожении… и ведь для этих парней прошло совсем немного времени!

Однако же, я смирился. Подвоха ожидать не приходилось. Эти ребята так же хотели выжить и попасть в наше время, как и я.

Перед самой операцией мы провели небольшие учения. Разметили городские сооружения на каменистом плато неподалёку, проверили тайминг. С профессионалами в любой области всегда работать просто и комфортно: возможные проблемы остаются гораздо ниже уровня квалификации, и всё кажется легко и просто. Хотя мы и не служили вместе, временами мне казалось, что Макс читает мои мысли.

Мы успели отработать несколько вариантов неожиданного поворота событий, включая появление у жителей города настоящего огнестрельного оружия. И в каждом случае запас прочности разработанного плана позволял без потерь решить поставленную задачу.

Операцию решили проводить ночью. Это было разумно: местные до сих пор не знали серьёзного противника и вряд ли за пару дней могли разработать эффективную круглосуточную систему обороны.

Даже стражники, которых мы встретили во время первой вылазки в город, были, скорее, частью ритуала встречи неофитов, чем реальной боевой силой. В этом мы убедились на ближних подступах к городу: пост у ворот не был круглосуточным. Места, занятые мужчинами в блестящих доспехах днём, ночью пустовали.

Мы жались к придорожным кустам, используя каждую тень. Но перед самой стеной всё равно предстояло выйти на открытое пространство. Я опасался этого момента – если что-то в плане могло пойти не так, это должно было случиться именно сейчас.

Но всё прошло удивительно спокойно. Двое из бойцов Макса подобрались вплотную к стене. Метнули полимерную кошку с углеродным тросом, которые нашлись на складах челнока, среди прочего снаряжения. Там же обнаружились электрифицированные подъемники, способные работать с весом до ста пятидесяти килограммов в переводе на земные единицы массы.

Мы с Каем поднимались последними. Макс ждал нас на стене. Вокруг по-прежнему всё было тихо.

А внизу нас ждал первый сюрприз.

Защитники города всё же предвидели возможное нападение. И подготовились как смогли. Подножие стены было буквально усеяно разнокалиберными примитивными ловушками, начиная от силков из тонкой бронзовой проволоки заканчивая железными капканами, кое-как присыпанными землёй и бытовым мусором.

Авангард нашей группы быстро и без лишнего шума справился с этим препятствием, несмотря на ночь и отсутствие приборов ночного видения. Видимо, исследовали место спуска буквально наощупь: света ущербного месяца было явно мало для того, чтобы что-то разглядеть. И это в очередной раз вызвало во мне чувство уважения к специалистам. Не факт, что я сам бы не попался в эти примитивные ловушки. Разве что Кай мог бы разглядеть их вовремя.

Дальше, до самой резиденции толстяка, улицы были пустынны. Мы двигались бесшумными тенями среди громад кирпичных и каменных стен. И полное молчание погруженного в сон города было, честно говоря, пугающим. Где же поздние гуляки? Где парочки, жаждущие романтики?

Мы не стали рисковать и запускать дрон во время операции. Как бы высоко он не летал, его могут обнаружить, хотя бы с помощью примитивных акустических средств. А, значит, был шанс поднять ненужную тревогу на земле.

Поэтому мы ориентировались на данные, добытые ранее.

Кроме толстяка, в его доме постоянно обитало трое жителей. Похоже, прислуга, занимающая часть нижних помещений. Второй и третий этаж крепкого каменного здания с узкими окнами – бойницами были в обычное время свободны. Сам предполагаемый хозяин дома занимал получердачное помещение на четвёртом этаже.

Вход был занавешен обычной матерчатой шторой. А вот за ней авангард обнаружил очередную порцию ловушек: те же силки и капканы. Но нашлось и кое-что новенькое: тонкие нити, привязанные к шатким глиняным горшкам, установленным на полках вдоль стен. Очевидно, примитивная сигнализация. По местным стандартам, дом был оборудован системой безопасности последнего поколения. Можно было легко предположить, что и физическая поддержка, в лице живых охранников тоже появилась.

И это действительно оказалось так.

Лестничный проход был занят лежащими вповалку телами. Казалось, они крепко спят, ритмично посапывая. Ребята из авангарда, дождавшись Макса, жестами дали понять, что хотят попробовать подняться через этот завал, не потревожив спящих. Секунду поколебавшись, Макс дал добро. Мы с Каем остались у входа в здание.

В этот момент или месяц стал светить ярче, или у меня зрение от стресса обострилось, но я видел всё происходящее чуть ли не в деталях.

Поначалу всё шло как надо. Двое отобранных Максом бойцов двигались безупречно, ловко переступая через спящие тела.

Они были уже на середине первого пролёта, когда я вдруг понял, что один из охранников полусидит с открытыми глазами.

Я постарался привлечь внимание Макса, активно жестикулируя. И, в конце концов, мне это удалось.

Командир посмотрел на указанного мной охранника. И в этот момент тот бесшумно и легко поднялся, преграждая путь одному из бойцов.

– Остановитесь, – сказал охранник на местном языке, – нам…

Закончить фразу он не успел.

Один из бойцов авангарда вогнал ему лезвие боевого ножа (тоже из наших, марсианских запасов) под нижнюю челюсть, навсегда лишив возможности говорить.

Но в этот момент поднялся ещё один из охранников.

–…нужно поговорить, – он спокойным голосом закончил фразу за своего погибающего собрата, бьющегося в конвульсиях на лестнице, – мы не понимаем, кто вы. Возможно, мы найдём способ сосуществовать.

Мы с Максом переглянулись. Я уже хотел кивнуть в знак того, что готов начать переговоры, но забыл, что сам отдал командование в руки другого человека. Это взгляд был лишь данью вежливости; он давал понять свои намерения.

Потом был едва заметный жест, предназначенный для своих людей.

И полилась кровь. Много крови.

У меня было не так уж много опыта таких вот близких контактов. По сути, венерианская операция только, да и то с оговорками. Ещё, конечно, были пришельцы – но психологически это всё-таки совсем другое.

А тут люди, с которыми я уже много дней делил помещение с лёгкостью лишали жизней других людей. Массово.

Меня замутило. Сохранить лицо помогло только то, что всё произошло очень быстро.

Кай, видимо, почувствовав моё состояние, едва слышно прошептал на марсианском: «Бесплотный ветер даёт жизнь крови; без духа сознание мертво». Это место из «Книги Ветра и Крови» было мне знакомо, мы как раз начали работу над переводом Ветхих глав. И была в этих словах, видимо, какая-то скрытая энергетика. Мне сразу полегчало.

Я отвернулся от побоища и занялся тем, чем должен заниматься нормальный солдат: выполнением своей боевой задачи.

Учитывая критические незапланированные осложнения, я решил, что будет лучше войти в режим превентивно.

Восприятие резко расширилось. Я чувствовал малейший ветерок, звуки, которые в другом состоянии рисковали быть заглушенными ночными шорохами в лесах и полях и тонким дыханием самого города. По-прежнему мирно спящий, на первый взгляд, город резко изменился, когда мне стали доступны возможности режима. Я видел, как он синхронно начал реагировать. Тут и там просыпались дома. Стягивались пока ещё не видимые силы.

– У нас минуты три, – сказал я громко на русском, – потом будет прямая атака.

– Успеем, – кивнул Макс.

С верхнего этажа послышался визг, но тут же оборвался. Всего через несколько секунд группа захвата была внизу.

Толстяк был без сознания. Его несли четверо. Ребята ходко преодолели последний лестничный пролёт, заваленный трупами (или ещё не совсем трупами – я видел, как у кого-то из неудачливых защитников подёргивается окровавленная рука).

«Тяжелые» поддерживали отличную физическую форму. До стены четвёрка добежала в таком режиме, что даже я еле держал нужный темп.

Операция по подъему и спуску прошла идеально, как в учебнике: тело сначала обвязали заранее приготовленными лямками из того же белого материала, как и комбинезоны спецназа, потом закрепили на подъемнике. Наверху пленника встречал один из ребят; его задача была – удержать толстяка до того, как остальные переберутся на внешнюю сторону.

Мой тюрвинг перемещения мы договорились не использовать до последнего критического момента. Было неразумно раскрывать перед противником такие важные возможности, в самом начале противостояния.

Единственный ствол был у Макса. Он не настаивал на его передаче – это была моя инициатива. Раз командир отвечает за всё, он должен обладать всеми доступными боевыми возможностями. Однако при мне был метательный нож. И я почти смирился с его потерей: город стремительно оживал; по едва уловимым знакам и шорохам я достоверно вычислил картину происходящего. Нас брали в кольцо, видимо, рассчитывая в последний момент неожиданным ударом подавить сопротивление.

Но мы оказались слишком быстрыми. Когда первые нападающие метнули копья, мы с Каем уже были на пути к вершине стены.

Несколько копий я отбил рукой в тактической броне: в режиме это было несложно.

А потом между нами и нападающими выросла стена.

Дальше был опасный момент: рывок с пленником через открытое пространство до ближайших зарослей. И тут Макс использовал огнестрел. Для противника это было неожиданностью: потеряв пятерых, защитники города отступили.

Я опасался организованного преследования, но, видимо, мы были достаточно быстры, чтобы оторваться.

8

Толстяка звали Зовущий Ветер. У жителей города, как и у многих земных племён первых цивилизаций, имена ещё не утратили значений и небыли жестко фиксированы на анималистике или флористике, как у жителей древнего Марса.

Он плакал, опустив лицо в ладони. Его обширная спина мерно колыхалась от рыданий. Мы переглядывались с Максом и Каем, но не вмешивались.

Таис рискнула подойти к пленнику. Присела перед ним. И аккуратно погладила по голой спине.

Удивительно, но это помогло: рыдания мало-помалу стали стихать.

Через минуту пленник уже смотрел на нас глазами с покрасневшими от рыданий белками.

– Я не хочу… обратно, – его слова прерывались всхлипами, – но и… хочу тоже. Вы ведь не понимаете, каково это…

– Мы всякое повидали, – дипломатично заметил Кай.

– П…правда? – спросил пленник, почему-то с надеждой в голосе.

Я строго посмотрел на напарника; тот виновато опустил глаза.

– Правда, – ответил я, вздохнув.

– Мыслить самому – это тяжело и больно, – толстяк снова всхлипнул, – но и приятно. Наверно, это самое приятное, что есть на свете.

– Тут я, пожалуй, с тобой соглашусь, – кивнул Макс.

– Как я могу вам доверять, если вы ничего о себе не говорите? – Зовущий Ветер сделал вдох и, видимо, окончательно овладел собой; всхлипы прекратились, – мы всё равно до меня доберёмся. Мы сейчас на пике могущества. Нашему поколению очень повезло. Мы далеко продвинулись на пути Познания…

«Гриша, скажи, чтобы все остальные вышли, – Гайя неожиданно беззвучно обратилась ко мне; от её голоса отчётливо веяло тревогой, – сейчас, пожалуйста».

Я поднялся с кресла у пульта большой диагностической установки. Пленник был зафиксирован в кресле автодоктора с помощью штатных эластичных ремней.

– Ребят, оставьте нас наедине, – произнёс я, как мне показалось, спокойным голосом. Но, когда Таис посмотрела на меня – в её глаза был испуг.

– Что-то случилось? – спросил Макс, тоже поднимаясь с места.

– Не знаю пока, – ответил я, – но поторопитесь.

Кай молча подошёл к двери и разблокировал запорный механизм.

Когда медотсек опустел, Гайя продолжала: «В помещении есть значительное количество моего мицелия, – сказала она, – сейчас я отделю его от остальной себя. Эта небольшая часть меня будет полностью изолирована. Я знаю, что у вас есть аварийный протокол, который полностью изолирует отсеки. Активируй его, пожалуйста».

«Что происходит? – спросил я мысленно, – если ты помнишь, мы в наших отношениях остановились на модели партнёрства, а не подчинения».

«Я помню, Гриш, – ответила Гайя; от неё всё так же веяло испугом, – меня очень пугает то, что я увидела. Нужны дополнительные исследования. Я не могу рисковать собой целиком, Сфера наглядно продемонстрировала, как это может быть опасно. Поэтому я оставлю запрограммированные клетки. Они изучат этого человека более внимательно и потом, если всё будет в порядке, передадут полученные данные через специальный защитный протокол, который я разработала».

«Это… осколки Сферы, да? – предположил я, – всё-таки она нас достала?»

«Я была бы рада, окажись оно так, – Гайя изобразила мысленный вздох, – но это бы меня не испугало. Известного врага бояться не следует».

«Ничего не понимаю, – я пожал плечами, – ну ладно. Я-то тебе тут зачем? Мы могли бы его просто изолировать».

«В процессе он будет в сознании. С ним нужно разговаривать. Нужно, чтобы был рядом другой живой человек, заведомо не затронутый… этим. Признаю, это рискованно, но я знаю тебя, Гриша, очень хорошо. На молекулярном уровне. Если что-то пойдёт не так – скорее всего, мне удастся тебя спасти».

«Это, конечно, успокаивает», – мысленно пробормотал я. Но, повернувшись к дежурному монитору, набрал аварийный красный код и активировал изоляцию медотсека.

Освещение тут же стало приглушённым, желтоватым. Автоматика минимизировала расход энергии.

«Я отключаюсь, Гриш, – сказала Гайя, – ты главное говори. О чём угодно».

– Что происходит? – спросил толстяк, тревожно оглядываясь, – вы… вы будете меня убивать?

– Нет, – ответил я и постарался изобразить доброжелательную улыбку, – не беспокойся. Ты нужен нам живым, – сказал я, и тут же добавил, безо всякого перехода: – Слушай, а у тебя дети есть?

– Дети? – Зовущий Ветер выглядел растерянным, – откуда же я знаю… вероятно, да.

– Вероятно? – я поднял бровь.

– Ну, да, – толстяк пожал плечами, – я ходил в чанную по призыву. Но насколько удачно прошло зачатие, конечно же, знать не могу.

– Чанную? – я поднял вторую бровь.

– Место, где рождаются городские люди, – пояснил Зовущий Ветер, – сейчас мне это кажется странным… а когда я был внутри – странными казались обычаи внешнего периметра. Крестьян. Они живут семьями. Женщины сами вынашивают детей, совсем как звери. Будто бы у них так и не родился разум…

– И тебя… ты тоже появился в этой самой чанной? – спросил я.

– Ну конечно, – улыбнулся толстяк, – как могло быть иначе? Дикие не могут становиться опорами в нашем единстве.

Улыбка на его лице вдруг сменилась задумчивостью. Потом испугом.

– Это так странно, – продолжал он, – думать самому…

– Да, ты уже говорил, – кивнул я, – странно и приятно.

– Приятно и… страшно, – согласился толстяк, после чего вдруг запрокинул голову, закатил глаза и начал биться в конвульсиях, истекая пеной.

Я активировал автодоктора. Медицинский компьютер немедленно начал необходимые диагностические и реанимационные мероприятия. В считанные секунды расторопная автоматика взяла десятки анализов, считала сотню параметров, но поставить диагноз в автоматическом режиме не смогла. «Требуется помощь высококвалифицированного медика», – гласила надпись на экране монитора.

Толстяк продолжал биться. Его лицо посинело, он не дышал.

«Разрешение командира на инвазивные методы реанимации», – надпись на мониторе сменилась. Когда разрешение было получено, автодоктор начал интубировать пациента. Его тело пронзили многочисленные зонды, катетеры и другие трубки, подключившие умирающий организм к автоматам, дублирующим функции критически важных органов.

Но всё было тщетно. Спустя пятнадцать минут после начала реанимационных мероприятий автомат констатировал смерть мозга.

Я стоял, опустив руки перед медицинской капсулой. В голове было удивительно пусто.

«Спасибо, Гриша, – послышалось у меня в голове спустя какое-то время, – ты справился».

«Ты… убила его?» – спросил я.

«Нет, Гриша, – ответила Гайя, – его убило то, чей частью он являлся. Оно затаилось. Дало ему свободу. Думало обмануть нашу бдительность, чтобы получить о нас больше сведений. Но в результате попалось само».

«Тебе удалось понять, с чем мы имеем дело?» – спросил я с надеждой.

«Да, Гриша», – ответила Гайя; странно, в её неслышимых словах до сих пор были отголоски страха, но кроме них появилась ещё какая-то отчаянная решимость.

«Говори же! Это Сфера? Или новое вторжение?»

«Ни то и не другое, Гриш… – Гайя снова изобразила вздох, – хотя поначалу я не сомневалась, что мы имеем дело с очередной внешней силой. Ты ведь понимаешь почему, да?»

Я передал эмоцию растерянности.

«Ваш беспилотник, Гриш, – продолжала Гайя, – он ведь неземной. Люди, защитники города, не должны были его видеть. Понимаешь? Значит, что-то или кто-то проявил его для них!»

«Я… похоже, забыл об этом, – в растерянности я сел на операторское кресло и опустил голову, – хотя как мог… это же очевидно было!»

«Я думала, что ты, как и я, просто не торопишься с выводами».

«Так что же это?»

«Думаю, ты сам поймёшь очень скоро. Но сначала сними блокировку и позови Кая, пожалуйста», – попросила Гайя.

Я не стал спорить.

Напарник ждал возле двери в коридоре. Как только я появился на пороге, он взглянул на меня, спрашивая взглядом: «Ну как там?» Вместо ответа я кивком головы пригласил его войти в медотсек.

– Здравствуй, Кай, – послышалось из динамиков, когда дверь закрылась за нами.

– Привет, Гайя, – напарник вежливо кивнул.

– У меня будет несколько вопросов о твоём прошлом мире, – продолжала Гайя, – знаю, это может быть болезненно. Извини, что вынуждена делать это.

– Если это нужно для победы, то без проблем, – Кай даже улыбнулся, хотя я знал напарника достаточно хорошо, чтобы увидеть в его глазах мимолётную тень боли.

– Скажи, пожалуйста, насколько в древних марсианских культурах были распространены любого рода жертвоприношения?

Кай удивлённо посмотрел на меня.

– Они вовсе не были распространены, – ответил он, – это есть в Ветхих Главах «Книги Ветра и Крови». Мы с Гришей их как раз переводим. Ключевой эпизод нашей веры – это победа Защитника Детей над злом, которое насаждало власть страха, убивая детей. В других культах и традициях поклонения другим богам Общего Пантеона нет даже того. Жертва – это богомерзость. Абсолютное зло. Любая жертва.

– Гриша, а что ты знаешь о будущем твоего человечества? Отношения к жертве? – спросила Гайя.

– Ну, человеческие жертвоприношения – это, конечно, мерзость, – ответил я, – хотя во многих культурах в прошлом они имели место.

Кай удивлённо на меня посмотрел. «Во многих?» – прошептал он одними губами. В ответ я пожал плечами.

– Спасибо, Кай. Ты очень помог. А теперь можно и о важном, – продолжала Гайя, – Гриша, ты наверняка задавался вопросом: почему разумные существа на четырёх соседних

планетах в результате эволюции вышли такими похожими? Даже генетически совместимыми, если на то пошло?

– Допустим, – кивнул я.

– Потому что это развитие было запрограммированным, – продолжала Гайя, – полностью. От начала и до конца. Вы – искусственные создания, Гриш. Причём программа, которая вас породила, программа развития жизни она такая… гибкая! Многократно резервированная! Она – восхитительна в своём совершенстве. А я – лишь системный сбой из-за незапланированного внешнего вмешательства. Моё появление – результат редчайшего стечения обстоятельств…

– Ты специально оставила нас двоих? Потому что мы давно знаем, что созданы искусственно?

– Отчасти, Гриш, – Гайя довольно натурально вздохнула, – но не это самое главное. И не это меня напугало… не это само по себе, если точнее.

– Поясни, пожалуйста, – попросил я.

– Кай представитель человечества первой версии, – продолжала Гайя, – Гриша, скажи, когда ты был в их мире, он не показался тебе каким-то излишне… утопичным? Нереальным?

Мы с Каем снова переглянулись.

– Пожалуй, было немного, – кивнул я, – но, знаешь ли, с учётом обстоятельств мне было не до критического восприятия окружающей реальности.

– Фокус разума в сообществе первого типа был сосредоточен на индивидууме. Марсиане – естественные индивидуалисты, Гриша. У них механизмы общего бессознательного рудиментарны. Поэтому их цивилизация так однородна, – продолжала Гайя, – и для верности прогресса был создан противовес: точно такая же цивилизация на соседней планете. В результате – неизбежная конкуренция за ресурсы в системе, войны и развитие. И знаешь, для чего это было нужно Гриш?

– Иначе они был успокоились… – тихо ответил я.

– Верно! – ответила Гайя, – у них бы случился вечный золотой век гармонии с природой. Они бы отказались от экспансии. Но цивилизации первой волны погибли в результате известных тебе событий. Люди стали слишком шустрыми и смогли взломать механизм контроля за ними. Использовали против себя самих… и тогда возникла цивилизация версии два. На Венере. Первый эксперимент по использованию коллективного бессознательного. И снова фиаско: когда мир был уже почти готов – структуры, объединяющие индивидуумов в мыслящие кластеры, стали слишком самостоятельными. Они научились дробиться. Я мало про них знаю, вся информация, которая есть в моём распоряжении – косвенная. Но предполагаю, что мир погиб в результате войны двух или более вдруг осознавших себя идей.

– Это в чём-то похоже на то, что происходило… – я запнулся, – что будет происходить в двадцатом и в двадцать первом веках у нас.

– Похоже на то, – ответила Гайя, – и тут есть парадокс.

– Какого рода? – спросил я, – в чём парадокс? Создателям опять не удалось сбалансировать развитие?

– Нет, Гриша, – Гайя сделала секундную паузу, – не в этом. То, с чем мы столкнулись сейчас. Эти города. Это человеческие цивилизации версии три. И они совсем не похожи на то, что ты, Гриша, помнишь о своём будущем. Тут личностью обладают не отдельные людские особи, а их общее сознание. Эти города – не города в вашем понимании. Скорее, это похоже на организацию некоторых насекомых. Кстати, я почти уверена, что общественные насекомые создавались в процессе эволюции именно для обкатки и отладки окончательного механизма зарождения аналогичного уклада у по-настоящему разумных существ. Там, в городе, с вами общался его единственный настоящий обитатель. Достаточно развитый, чтобы взломать внедрённый вами генетических механизм, который не позволяет видеть обычным земным существам инопланетные технологические объекты.

Я молчал, наверно, несколько минут, пытаясь переварить эту информацию. Мои размышления прервал Кай:

– Но зачем этому коллективному разуму жертвы? И эти битвы ритуальные… – спросил он.

– Насчёт битв просто, – ответила Гайя, – они так получают реальный опыт, основанный на практике, который могут транслировать сразу на всех боевых особей, участвующих в единении. Вот Гриша, допустим, убил медведя. То, как он это сделал, было зафиксировано, транслировано, передано на хранение и записано на подкорку тому, кто выполняет роль боевых особей. С жертвоприношениями было сложнее разобраться, но и тут мне это удалось. Ребята, у вас нет необходимого уровня фундаментальных знаний, но я постараюсь объяснить. Ключевое тут – законы поведения и сохранения информации в нашей Вселенной. После определённого порогового значения разумное живое существо начинает оставлять неуничтожимый самоорганизующийся информационный след. После физической гибели носителя этот след какое-то время сохраняет информацию в доступности в виде проекции в многомерном континууме. В критической ситуации, незадолго до гибели, образуется что-то вроде связи между всей совокупностью этих следов и данной конкретной особью. Когда живое существо при смерти, эту информацию можно считать. Если знать, что считывать, быть в ментальном контакте с умирающим. Таким образом та личность, которая состоит из людей в городе, научилась воровать информацию извне. Это разгадка их быстрого прогресса.

– Постой, – вмешался я, – но что же тогда происходит потом? Почему города пустеют и исчезают?

– Ты ведь уже понял, да, Гриша? – Голос Гайи был грустным.

– Их… считывают?

– Да, Гриша. Полагаю, что так. Вместо того, чтобы пытаться дорастить до нужной кондиции целую огромную цивилизацию, нечто, программировавшее третью версию эволюции, пошло по пути постепенного сбора урожая. Отдельные города-муравейники быстро осознаю себя. Двигаются по пути развития. И достигают зрелости гораздо быстрее, чем сообщества предыдущего поколения. Но что самое замечательное: они всегда оставляют на планете «дикую рассаду». Из которой потом появляются новые города-муравейники. Да, возможно, для разового считывания такой город – это мелочь. Но за тысячелетия их накапливается более, чем достаточно. Этот способ, должна признать, значительно более эффективен, чем другие.

– Но для чего их считывают? Что берут? Это тебе удалось понять? – спросил я.

– Не до конца, Гриша, увы, пока не до конца, – Гайя вздохнула, – поэтому здесь я не смогу сказать тебе ничего нового. Зато благодаря этому контакту я разобралась, как работает любовный тюрвинг. И теперь окончательно смогу обезопасить вашу команду от распространения этой заразы. Более того, при необходимости я смогу создать любое количество подобных устройств.

– Лучше не стоит! – попросил я, – но всё же хоть какие-то хорошие новости… в наших обстоятельствах это уже не мало!

– Это не единственные хорошие новости, Гриша, – продолжала Гайя, – я только начала.

Мы с Каем переглянулись, но промолчали.

– Создание в городе не знает о моём существовании. Защита создавалась непреднамеренно. Да и не защита это вовсе. Просто то, что объединяет мой мицелий в единую мыслящую сеть несовместимо с основой его существования. Оно меня просто вытесняет. А я поступила очень дальновидно, что не стала пытаться взломать эту так называемую защиту силой. Потому что единственное, чего бы я добилась – это то, что обо мне бы узнали. Кем бы ни были считыватели, они бы получили сведения обо мне.

– Это… обнадёживает, – заметил я, – но всё-таки. Что же нам делать? Судя по тому, что я помню, у нас ведь как-то получилось создать нормальную цивилизацию?

– Нам предстоит проделать большую работу, Гриша, чтобы это стало реальностью. Но рассчитывать на память я бы не стала. Содержимое твоей головы, весь твой прошлый опыт, завязан на динамическую четырёхмерную систему. Проще говоря, оно меняется, в зависимости от того, что происходит здесь и сейчас. А ты, разумеется, не можешь этого ни отследить, ни осознать.

– Ясно, – кивнул я.

– Но это ещё не всё. Понимаешь, какая ситуация. Считыватели пока что не знают о моём существовании. А, значит, у нас есть возможность одним махом решить эту проблему. Понимаете, ребята?

– Не совсем… – ответил Кай.

– Мы можем попытаться их уничтожить, – ответила Гайя, – сделать так, что они не появятся в твоём будущем.

9

16.

И служившие Демону, творившие злодеяния
И отводившие взгляд от непотребства
И не умевшие защитить потомство
И зрячие, чующие кровь
И те, кому чужие страдания дают постыдные чувства
Повинны смерти, дабы очиститься племени

17.

И был Защитник с духом Первого Изгоя твёрд сердцем
И творил он своё правосудие
И не было силы, чтобы остановить очищение
Глядел он на орды обречённых
И чувствовал себя в праве своём
Пока не увидел взгляд отрока
18.

Не знал отрок сей милости мира
И был в толпе, творившей непотребства
И не ведал, что это неправильно
И не было у него родителей
Ибо погибли они, защищая второго ребёнка
Отданного на заклание

19.

Сие было Защитнику неведомо
Но дух Ареса, пребывающий в нём
Просветлил его взор
И смог Защитник сердцем распознать
Как Соблазн завлёк его в смертельную ловушку
Соблазн мнимой справедливости через расправу

20.

И был первый соблазн преодолён

«Книга Ветра и Крови»
Ветхие главы
Перевод на русский Г.Волкова и К.Котова

Таис назвала существо, которое паразитировало на людях, умным словом «эгрегор». Однако мне не хочется его использовать. В нём слышится что-то героическое. Слишком бла-

городное звучание для этой твари. Но когда знаешь врага достаточно хорошо, против него гораздо легче создавать эффективное оружие.

В этот раз Гайя синтезировала для нас новые автономные защитные комбинезоны, построенные на иных принципах чем те, на которых живёт она сама. Иными словами, сбои на территории города им не грозили. Комбинезоны полностью закрывали тело, включая голову, лицо и органы дыхания. При этом воздух поступал внутрь через специальную фильтрующую мембрану. Внешняя поверхность была, по сути, одним сплошным экраном, выводившим динамическую картинку, создавая почти идеальный камуфляж. Если стоять на месте или двигаться медленно –бойца в таком комбезе со стороны заметить невозможно. Я проверял. Только если двигаться быстро, то становится заметен расплывчатый силуэт, плывущий в воздухе.

Операция готовилась ещё более тщательно чем когда-либо во время нашего долгого путешествия из прошлого. Используя беспилотник на большой высоте и съемку в различных диапазонах, мы смогли создать подробный трёхмерный план города. Имея данные из головы погибшего толстяка, мы даже смогли идентифицировать функциональное назначение большинства помещений. Но, к сожалению, определить цель с абсолютной достоверностью не получилось. Таким образом, у нас было несколько помещений – кандидатов, которые предстояло проверить.

Но изюминкой всего плана было, конечно, то, что удалось создать Гайе для борьбы со Считывателями. На мой взгляд, это нечто, максимально приближенное к определению «Абсолютное оружие». Она говорит, что подглядела идею, когда изучала архитектуру запрограммированной эволюции живых существ. И в этом ей здорово помог запас древней ДНК, который я додумался сделать, двигаясь сквозь время.

Это оружие представляло собой некую информационную структуру, состоящую из множества юнитов. В неактивном состоянии их было невозможно вычленить; атомы юнитов никак не отличались от атомов окружающей материи. Но достаточно им было оказаться вне уникальной сигнатуры земного гравитационного поля, и оружие активировалось. В боевом положении оно на фундаментальном уровне меняло свойства самоорганизации материи, делая невозможным существование любых других сложных информационных структур.

Разумеется, чтобы доставить юниты к Считывателям, они должны оказаться в телах и разумах (точнее, элементах базы единого разума) жителей города.

Вот это и было главной задачей нашей вылазки.

Идти снова решили ночью. Обитатель города, конечно, сделал выводы из предыдущего нападения и подготовился как мог. Вот только всё равно, при отсутствии у противника действительного опыта организации дозорной службы в реальных боевых условиях, по всем прикидкам ночью было больше шансов на успех.

В этот раз передоверять командование я не стал. Даже формально. Очень уж необычным было задание, и при этих вводных наши с Каем особенности перевешивали боевой опыт Максима.

Чтобы сэкономить силы, мы так же обошлись без длительных марш-бросков. Я просто перенёс ребят по двое, с помощью своего пространственного тюрвинга. Сначала – в радиус прямой видимости городских стен, а потом – и за стену. Гайя уверяла, что достаточно изучила возможности единственного обитателя города, чтобы понимать: работу тюрвинга он засечь не сможет, пока мы соблюдаем осторожность и носим подготовленные ей костюмы.

Самым неприятным моментом в ночном городе были неспящие стражники. Но мы о них знали, благодаря дрону. Они вели себя совершенно не по-человечески: часами стояли на одном месте, пристально вглядываясь в тёмные улицы, а потом вдруг, не сговариваясь, начинали перемещаться, меняя позиции, на первый взгляд, совершенно хаотично. Но это не был настоящий хаос. Понаблюдав за записями в режиме, я смог вычислить алгоритм, по которому

они перемещались, и зафиксировать его, чтобы впоследствии предсказывать такие «внезапные» перемещения.

Вблизи неподвижные стражи выглядели жутковато: пустые глаза и полная неподвижность. Гайя ещё во время анализа записей, предположила, что на время вахты обитатель города берёт стражников под свой непосредственный контроль. Потому что стоять настолько неподвижно в «автономном режиме» совершенно невозможно.

Мы двигались очень медленно, очень внимательно глядя себе под ноги. Первым шёл Кай. Благодаря особому зрению, перед ним не стояло угрозы случайно на что-то напороться. Настоящие приборы ночного видения мы с собой взять не могли – они могли демаскировать нашу защиту.

Нужный нам подвал охранялся более тщательно, чем другие помещения: восемь стражников на входе, буквально в метре один от другого. Проскользнуть, наверно, можно – если сохранять ледяное спокойствие. Впрочем, в режиме это было не так уж сложно. Главное, чтобы «тяжелые» не сплоховали.

Сразу за стражниками начинались уже привычные ловушки: примитивные сигналки-шумелки. Но было и кое-что новое. Кай вовремя заметил свисающие с потолка провода, толщиной с волос, которые замыкали цепь на металлической плите на полу. Однако и здесь обитатель города допустил ошибку: эта ловушка была рассчитана на внезапность. Между нитями вполне можно было пройти. Если бы это существо догадалось, что с помощью этой технологии можно блокировать вход куда эффективнее, нам бы пришлось туго уже на этом этапе.

А так мы, спустившись на три уровня под землю, благополучно добрались до нужного подвала.

Тут было совершенно темно. По крайней мере, для большей части нашей команды. А ещё тут неприятно пахло: экскрементами, немытыми женскими телами и кровью.

Я вдруг упёрся Каю в спину: напарник встал в проходе, тяжело дыша.

– Гриш, – прошептал он, – тебе бы очень не понравилось то, что я сейчас вижу.

– Что там? – едва слышно спросил я, – стражников нет? Нас не услышат?

– Нас не услышат, Гриша, – ответил Кай, – но теперь я знаю, как они размножаются. И я бы очень хотел отдать обратно это знание…

Я чувствовал, как напряглась его спина. Такое бывало, когда он готовился к атаке или сильно нервничал.

– Спокойно, – выдохнул я, – что бы там ни было, спокойно.

– Ладно, – кивнул Кай, – кажется, я вижу проход…

Не говоря напарнику, я снова вошёл в режим. Если хорошенько напрячь уши, благодаря вычислительной мощности можно довольно точно воссоздать интерьер помещения по отраженному звуку. Поэтому, чтобы создать этот звук, я снова спросил напарника:

– Долго идти-то?

Кай снова остановился. Я почувствовал, как он повернулся ко мне:

– Долго, – ответил он шёпотом, – метров сто. Гриша, я могу не сдержаться. Тут надо всё предать огню…

– Держись, напарник, – твёрдо ответил я, уже создавая картинку на основе отражённого звука.

В этот момент Макс, шедший сразу на мной, положил мне руку на плечо.

– Что там? – прошептал он ещё тише, чем Кай, у самого моего уха.

– Всё в порядке, – ответил я, – идём дальше.

И я зашагал вперёд. А в голове у меня уже начала проявляться чёрно-белая картинка.

В режиме переживать эмоции было значительно легче. Но даже так я сочувствовал Каю. Он-то видел то, что передо мной открылось, во всех подробностях и мельчайших анатомических деталях.

Это был инкубатор. О таком, возможно, мечтали нацистские военные преступники, выдававшие себя за врачей. Обрубки женских тел, без голов и конечностей, были срощены с какими-то хитросплетениями непрерывно пульсирующих трубок. Эти трубки сливались в единую кишку, которая уходила куда-то наверх, сквозь высокий сводчатый потолок. Большинство обрубков было беременно. В режиме я даже мог высчитать возраст плода внутри каждого из них.

Я осторожно положил ладонь на плечо Каю. Потом наклонился и прошептал ему на ухо: «Чтобы победить врага, можно пройти через всё». Это была цитата из Срединного Цикла «Книги Ветра и Крови», работу над которым мы начали совсем недавно.

Кай не ответил. Вместо этого он двинулся вперёд, шагая уверенно и осторожно.

До конца перехода через этот филиал преисподней я не выходил из режима. После того, как мой мозг создал картину происходящего вокруг, чтобы её поддерживать и обновлять много звука было не нужно. Вполне хватало тихого шороха наших шагов и неприятных звуков биологической природы, сопровождавших работу инкубатора.

Потом мне всё-таки пришлось вернуться в нормальное состояние. Перекуса с собой не было, а силы были нужны на то, чтобы эвакуировать группу.

Наконец, мы дошли до лестницы, которая вела на уровень ниже. Спустившись по крутым каменным ступеням, мы оказались там, где и предполагали, разглядывая данные, полученные с дрона. В детской.

Это было длинное помещение, разделённое двумя рядами колонн, подпирающих сводчатый потолок. Тут был свет: несколько рядов тусклых чадящих факелов. Вопреки моим ожиданиям охраны тут не оказалось. Видимо, обитатель города счёл вероятность нашего появления здесь исчезающе малой.

Сначала шли ясли. Узкие ряды одинаковых кроваток-колыбелей, выструганных из досок. У каждой – что-то вроде приспособления для автоматического кормления, связанного с ещё одной системой переплетающихся трубок, очень похожую на ту, которую мы видели в инкубаторе. При мысли о том, что это могла быть одна система, напрямую связанная с женскими телами (и их молочными железами) меня замутило.

Младенцы тихо посапывали, шевеля во сне ручонками.

Стараясь не думать и не чувствовать, я двинулся дальше, вслед за Каем. Для наших целей нам нужны были ребятишки постарше.

Ясли вскоре закончились, сменившись чем-то вроде огороженных загонов. Дети внутри оградок спали прямо на полу, вповалку.

Несмотря на весь кошмар увиденного, обстоятельства складывались для нас удачно.

Теперь нам нужно было всего лишь разложить на полу, в нескольких загончиках заранее приготовленное угощение.

Дети, в какую бы эпоху они ни родились, должны любить сладкое. Я в этом не сомневался и Гайя была со мной согласна.

Нет, конечно, в угощении не было ничего опасного для самих детей. Это не было ядом. Иначе я бы не смог даже планировать такую операцию. Дети останутся в живых. Вырастут. Даже смогут оставить потомство, если город для этого просуществует достаточно долго. Но они внесут в генофонд города юниты, созданные Гайей, которые активируются в тот момент, когда поселение «считают». И тогда, как мы рассчитывали, проблема Считывателей исчезнет навсегда. Человечество останется предоставлено собственной судьбе. Наверно, более великую цель себе и представить сложно…

Бойцы уже разошлись по ближайшим загончикам и приготовились раскладывать угощения.

Я тоже подошёл к ближайшей оградке.

И тут произошло непредвиденное. Один из чумазых мальчишек, только что мерно сопевший во сне рядом с такими же детишками, вдруг открыл глаза и уставился прямо мне в глаза. Чтобы не запаниковать мне пришлось напомнить себе, что комбинезоны по-прежнему работали: я едва угадывал движение других бойцов.

Но тут мальчишка заговорил:

– Привет, – шепотом сказал он, – ты дух подземелья, да?

Я замер, боясь вдохнуть. Остальные, судя по всему, тоже.

– Про тебя рассказывали старшие, – продолжал мальчишка; он осторожно поднялся на локтях, продолжая глядеть в мою сторону, – тебя и правда почти не видно. Скажи, а это правда, что ты можешь поговорить с мамой?

Я продолжал стоять неподвижно.

– Об этом нам знать не положено, но старшие ребята говорят перед самой инициацией, что у всех малышей когда-то были мамы.

Краем глаза я увидел движение. Как будто Кай пытался мне что-то сказать жестом. Но я в тот момент не мог воспринимать никакую информацию.

– Дух, ты ведь ещё здесь? Ты передашь маме, что я скажу, хорошо?

Мальчишка смотрел на меня своими огромными, полными надежды глазами, в которых отражался тусклый свет факелов.

И в этот момент я сломался.

– Кай, выводи группу, – сказал я едва слышно на марсианском, и тут же добавил по-русски: – операция отменяется. Смена плана. Встречаемся у точки рандеву наверху. Может, опоздаю на пару минут, вы продержитесь.

Я откинул лицевую маску и шлем.

Больше всего я боялся, что в этот момент мальчишка завопит – или от страха, или от восторга. Но он повёл себя очень правильно: да, его глаза от удивления ещё больше расширились, но он продолжал сидеть тихо.

– Ты пойдёшь со мной, – сказал я на местном наречии, обращаясь к нему, – я покажу тебе маму.

После этого я наклонился через ограждение и взял ребёнка на руки.

Когда мы шли через инкубатор, я зачем-то осторожно прикрывал ему глаза ладонями. Будто боялся, что в полной темноте он сможет разглядеть окружающий нас ужас.

10

Мальчишке было очень страшно; я чувствовал, как дрожит его тщедушное тельце. Но он держался достойно, как мужчина. Ни жалоб, ни криков – хотя я ведь даже не предупредил его о перемещении. Каково ему было оказаться стразу высоко в воздухе, среди ночных звёзд, когда ветер хлёстко бьёт по ушам, а рядом только непонятный дух с человеческим лицом?

Мне никогда этого не узнать.

Возле челнока меня встретила Таис. Она стояла у входа в ожидании конца операции. Не ложилась спать, потому что, по её словам, «это плохая примета, спать, когда мужчины на войне или на охоте».

Увидев мою ношу, она удивлённо посмотрела на меня, но не произнесла ни звука. Вместо этого подошла ко мне. Осторожно обняла ребёнка, и забрала его у меня.

Мальчишка в этот момент открыл глаза. Посмотрел на Таис и широко улыбнулся.

– Ты мама, да? Дух принёс меня к тебе?

– Да, малыш, – я видел, как по щеке Таис скатилась крупная, как бриллиант, слеза, оставляя влажный след на её смуглой коже, – теперь ты с мамой. Ты в безопасности!

– Покорми его, – попросил я Таис, – и, наверно, спать уложи. Можешь в моей каюте, она не заблокирована, там есть чистое бельё.

Таис не ответила, только кивнула, продолжая гладить ребёнка по спинке.

Я кивнул в ответ и тут же прыгнул обратно: надо было вытаскивать парней из города.

Признаться, я опасался осложнений. Они всегда бывают, когда план меняется. Но в этот раз словно что-то прикрывало нас сверху; нечто за переделами понимания и людей, и чужих.

Возвращение прошло гладко.

«Тяжёлые» были немного растеряны и Макс пытался подойти ко мне, чтобы поговорить. Но я знаком отослал его, мол «позже». Он подчинился.

Кай подходить не стал. Но по его взгляду я видел, что он полностью оправдывает произошедшее.

«Гриша, что ты делаешь?» – наконец, проявилась Гайя.

«Ты видела малыша? – спросил я, – его… можно вылечить? Вытащить из него то, что было в том толстяке?»

В ожидании ответа я чувствовал, как сердце предательски сжимается в груди.

«Гриша, в этом нет необходимости, – ответила Гайя, – люди города становятся частью единого только после того, как проходят обряд инициации. Это чем-то похоже на то, что проходили вы с Каем, когда из вас готовили тренировочных бойцов».

«То есть… он чист? – на всякий случай уточнил я, пытаясь скрыть ликование, – его можно спасти?»

«Гриша, он сейчас ничем не отличается от обычного человеческого ребёнка. Незрелый мозг не годится для размещения той личности, которая владеет городом. Почему это так важно для тебя? Почему ты прервал наш план?»

«Нам надо спасти детей», – ответил я.

«Спасти от чего? – Гайя транслировала недоумение, – им ничего не угрожает!»

«Им угрожает тварь, которая владеет всеми взрослыми, – ответил я. – Это абсолютное зло. Ты знаешь, что оно устроило в подвале?»

«Ты про чанную? – спросила Гайя, – они так называют это помещение».

«Его надо уничтожить», – твёрдо подумал я.

«Ты про обитателя города? – растерянность в её голосе не проходила, – его итак скоро поглотит Считыватель. А, если бы мы довели план до конца, то это бы произошло не напрасно!»

«И спасти детей!» – повторил я.

«По-моему, мы идём по кругу», – заметила Гайя.

«Я не понимаю, почему ты не понимаешь».

«Гриша, существо в городе – всего лишь ещё один жизненный уклад. Заложенный программой вашей эволюции. Я видела много разных укладов, у очень многих существ. Я не понимаю, что заставляет тебя делать странные поступки. Почему ты вдруг стал вести себя совершенно иррационально».

«Как можно его убить? – спросил я, – ты знаешь? Можешь предложить решение?»

«Гриша, я бы не стала этого делать, даже если бы у меня было бы решение, – ответила Гайя с сожалением и мысленно вздохнула, – по той же причине, почему я не помогаю вам охотиться. Я не могу отказать в праве существования этому существу. Понимаешь?»

«Мне казалось, что ты на нашей стороне», – заметил я, не понимая, откуда в моих мыслях взялась злость.

«Гриша, я действительно на вашей стороне, – терпеливо, с сожалением, пояснила Гайя, – на стороне всех земных существ. Я хочу помочь вам освободиться. Мне не нравится, что кто-то создал вас для того, чтобы потом использовать. Я за то, чтобы вы могли сами решать свою судьбу. Чтобы мы вместе несли ответственность за наш мир. Понимаешь? Я за это!»

«Оно – не мы, – возразил я, – и никогда нами не будет! Пойми же, наконец, это же абсолютное зло!»

«Прости, Гриша».

«Постой, – я с огромным трудом взял себя в руки, – хорошо. Я не прошу тебя его убивать. Но ты можешь хотя бы теоретически предположить, как это можно сделать?»

Гайя снова мысленно вздохнула.

«Теоретически я вижу только один способ, – всё-таки сказала она, – нужно физически уничтожить всех носителей. Всё взрослое население города».

Я задумался на минуту.

«Если мы это сделаем, – сказал я после паузы, – ты сможешь разобраться, как работает этот их инкубатор? Чтобы довести до родов все беременности?»

В этот раз Гайя ответила не сразу, что было очень необычно.

«Да, Гриша, – сказала она, наконец, – с вероятностью больше девяноста процентов я смогу разобраться и помочь дорастить эмбрионы до родов. Обращайся, если дойдёт до этого. А пока, извини, я выйду из контакта с тобой. Я не могу участвовать в том, что ты задумал. Для меня это невыносимо».

«Подожди!» – окликнул я.

«Да?»

«Если я… мы всё же сделаем это – ты вернёшься?»

«Я постараюсь убедить себя в том, что это было частью эволюционной борьбы. Что ваши виды конкурировали за одну экологическую нишу. Я готова признать геноцид частью борьбы за существование, но это не значит, что мне он нравиться как явление. Тебе ведь знаком этот термин, да, Гриша? Я взяла его из памяти Таис».

«Спасибо, – ответил я, – спасибо за попытку понять. Но ты не очень точна. Это точно не геноцид. Я собираюсь спасти всех ребятишек».

«Ты понял суть, Гриша, – ответила Гайя, – остальное детали. Не представляю себе, как ты это сделаешь. Вы даже прокормить их не сможете, если убьёте всех взрослых».

«Я что-нибудь придумаю, – твёрдо сказал я, – хотя, признаюсь, мне страшно. И мне будет тебя не хватать».

«Гриша, я всё же надеюсь, что ты передумаешь. Уничтожение разумной жизни для меня – это как ещё одно крупное вымирание», – вздохнула Гайя. А потом её незримое присутствие вдруг пропало. И в ту секунду я понял, что ещё никогда не чувствовал себя настолько одиноким.

Но в своём решении я не усомнился ни на мгновение.

Наоборот, после обрыва связи пришла решимость. И голова вдруг заработала чётко и ясно. В ней рождался план, который обитатель города имел все основания считать зловещим.

11

Мы собрались малым советом в кают-компании: я, Кай, Таис и Максим. Зная, что Гайя в этом совещании принимать участие не будет я чувствовал себя неуютно. Только теперь я осознал, насколько привык к её постоянному присутствию; к тому, что где-то рядом всегда есть могущественный союзник, готовый в любой момент помочь и подстраховать. Очень опасное состояние.

– На некоторое время Гайя нас оставила, – начал я, ещё раз поглядев в глаза каждому из присутствующих.

– Почему? – спросил Кай, – что случилось? Она… обиделась на то, что ты не стал придерживаться её плана?

Я грустно улыбнулся.

– Нет, Кай, дело не в этом. Уничтожение обитателя города противоречит её собственным убеждениям. Она против любого геноцида. Поэтому лучшее, что мы можем сделать в этой ситуации – это временно разойтись.

– Временно? – вмешалась Таис, – ты сказал – временно?

– Она обещала вернуться, когда мы решим этот вопрос, – я опустил взгляд и добавил: – Или же, подумав, откажемся от его решения.

Я достаточно хорошо знал присутствующих, чтобы уловить волну облегчения.

– А мы точно хотим их уничтожить? – спросил Кай, – может, всё-таки есть другой путь? Можно ли их освободить?

– Гайя сказала, что после посвящения человека освободить нельзя. Он навсегда принадлежит сущности, – ответил я, потом сделал небольшую паузу, после чего сказал: – я много думал этой ночью. Про то, что сделал. Казалось бы: вот она, возможность – раз и навсегда избавиться от проклятия всего человеческого рода, да? И я её упустил, поддавшись эмоциональному порыву. Так это выглядит со стороны да?

Макс посмотрел на присутствующих. Потом высказался:

– Ну, если совсем честно, это было не профессионально.

– Принято, – кивнул я.

– Как марсианский военный я не видел другого выхода, – всё-таки вмешался Кай, правда, не поднимая взгляд, – Гриша поступил правильно. Несмотря ни на что.

– Сущность в городе может быть угрозой пострашнее этих Считывателей или Создателей, – сказала Таис, глядя мне в глаза, – мы очень мало про них знаем. А про эту тварь нам известно достаточно, чтобы понимать: мы не можем жить одновременно на одной планете. Для меня исключительно важно чувствовать себя полноценным человеком. Если понимаете, о чём я.

– Таис, ты близка к истине, – ответил я, – но на самом деле всё ещё проще.

Макс и Кай переглянулись.

– Гайя не идеальна, – продолжал я, – она очень одинокое существо с возможностями, которые кажутся безграничными даже ей самой. И все прошедшие миллионы лет её только убеждали в том, что она может всё. Понимаете? Она иначе видит реальность. Даже при её интеллекте она подвержена ошибке восприятия. Понимаете?

– Честно говоря – пока не очень… – ответил Максим.

– Даже зная меня она не смогла предсказать реакцию на обстановку, в которой мы оказались. Уверен, если бы она это предвидела, то нашла бы способ подстраховаться. И её план был бы выполнен. Но нам, на самом деле, очень сильно повезло, что этого не произошло.

– Гриша, поясни, пожалуйста, – попросила Таис, – я не улавливаю нить.

– Я готов поверить, что она создала абсолютное оружие, – ответил я, – вот только все мы чуть не совершили грандиозную ошибку, попытавшись его применить.

– Реализовать возникшее преимущество… это ошибка? – Макс поднял бровь.

– Дело в том, что это преимущество – кажущееся, – ответил я, – мы слишком мало знаем о Считывателях. Возможно, единственное, чего бы мы добились – это полное обнуление жизни на нашей планете. Нельзя применять оружие любой мощности против объекта, о котором известно так мало!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.